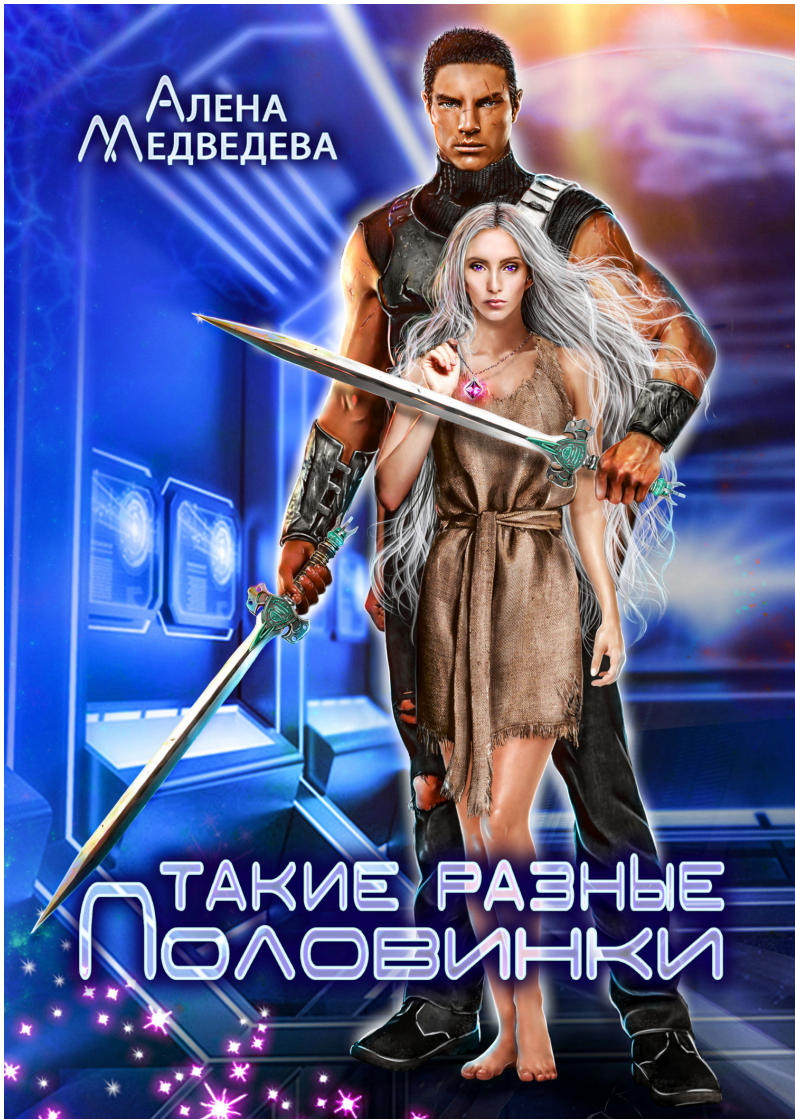

АЛЕНА
МЕДВЕДЕВА

ТАКИЕ РАЗНЫЕ
ПОЛОВИНКИ

Алёна Викторовна Медведева
Такие разные половинки
Серия «Половинки из
разных вселенных», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68219318

Аннотация

Еще малышкой попав в плен, Дейнари не видела ничего хорошего от жизни. Только страдания, страх и жестокий бесчувственный хозяин – вот и все, что она помнит.

Но время идет, маленькая девочка становится красивой девушкой. А воин, владеющий ею, оказывается не таким стойким и способным противостоять соблазнам, как полагал.

Придет момент, когда им придется заключить договор, обещав друг другу самое необходимое. Каждый преследует свою цель, не подозревая, что на самом деле она общая. Это свобода!

И чтобы обрести ее, обоим придется измениться и признать, что их связывает не только совместная жизнь.

Продолжение серии «Половинки из разных вселенных» – история Кирена и Дейнари.

Содержание

Часть 1. Прошлое	4
Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	65
Глава 6	82
Глава 7	91
Глава 8	100
Глава 9	115
Глава 10	130
Глава 11	149
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Алёна Медведева

Такие разные половинки

Часть 1. Прошлое

Пролог

Кап-кап-кап... Ковшик в руке замер, когда я подняла взгляд, почувствовав чье-то присутствие. Он... жуткий, здоровенный, меднокожий, стоял совсем рядом. Видимо, ему что-то понадобилось в водной части жилища, поэтому и зашел, совершенно не ожидая обнаружить тут меня. Как плохо. Я старалась не попадаться хозяину на глаза, а сейчас... так неудачно решила вымыть ноги. Но я полагала, что он ушел с тем... другим, и не вернется долго. Какой просчет! И сейчас мне за это попадет.

Метх всегда наказывал меня, ругал, прогонял. Раздражение – единственное чувство, окружавшее меня в том жалком существовании, что стало моим уделом. Мне казалось – так было всегда, я плохо помнила жизнь до... этого четырехрукого. Не могла вспоминать. Но я знала правила. Знала, что должна делать то, что он скажет. Делать сразу, не противясь и... стараясь не попадаться ему на глаза. Не знаю, сколько

времени я жила так, прячась по углам, скрываясь в темноте укрытий, не шевелясь, а порой не дыша. Я научилась жить не в реальной жизни, а в своих мыслях. Там мне было спокойно, хорошо, там... меня любили.

Сейчас же меня ненавидели, на мне срывали злость, меня скрывали. Если мне удавалось выбраться из его жилища, всегда следовало наказание. Чаще всего он не давал мне еду два или три дня. Но он не знал, что у меня, как у маленькой зверюшки, были тайные места, где я прятала пищу на такой случай. Порой было так плохо, что есть я не могла. Но даже тогда я знала: еда пригодится. Ведь Дарг придет за мной... я должна дождаться.

Дни, недели, года я не считала. Отсчет времени начинался с рыка:

– Дейнари, немедленно сделай! – и заканчивался тишиной, что наступала, когда хозяин уходил. Так я различала день и ночь. Но давно сбилась со счета. И потеряла интерес. Только ждала... в своих самых тайных мыслях.

Кап-кап-кап... Смотреть на него мне не разрешалось. Но сейчас, сжавшись на месте в испуге, не смея двинуться, не сдержалась и подняла взгляд. Уж слишком долго он безмолвствовал и стоял возле входа. Я видела его ноги и сжавшиеся в кулаки руки нижней пары. И от этой тишины мне становилось страшно до жути. Сейчас накажет!

Лишь на миг подняла взгляд и... пожалела. Метх не смотрел на меня! Вернее смотрел, но не в лицо. Его взгляд словно

остекленел, уставившись на мою ногу. Женщинам у метхов не разрешалось открывать тело, одежда была одним сплошным сероватым балахоном до пят и с длинными рукавами, на голове – капюшон, скрывавший волосы и лицо. Всем женщинам. Хотя я пока не видела ни одной. Ни разу. Но хозяин сказал об этом. В самом начале, давно...

А сейчас он увидел мою ногу! Я, слегка приподняв подол, как раз поливала ее водой из ковшика. У метхов использовали воду. Кап-кап-кап... Очередная капелька соскользнула с края ковша и, стремительно преодолев расстояние, упала на мою лодыжку. Извилистым ручейком сбегала ниже, чтобы уже медленно скатиться по бархатистой коже узкой ступни и замереть драгоценной искоркой в маленькой впадинке между пальцами. Не знаю почему, но я чувствовала – он тоже наблюдал за этой каплей. И за другими...

Испуганно вздрогнув, невольно дернула ковшом. Из него выплеснулась приличная порция воды, окатив мою ногу настоящим водопадом искрящихся капель. Метх сипло вздохнул. Я внезапно опомнилась. Накрыло ужасом – это запрещено! Ладонь инстинктивно разжалась, ковш с остатками воды, с показавшимся грохотом шумом упал на пол, а я судорожно вцепилась в подол, намереваясь его одернуть. Но...

– Нет! – сейчас я не услышала в его голосе раздражения. Впервые. И он, шагнув ближе, присел рядом! Одно слово, но мне оно выдало растерянность мужчины. Почему-то это лишь усилило страх. Я застыла, не смея дышать. Взгляд

уперся в пол, хорошо хоть капюшон не сняла. Отчаянно захотелось укрыться. Но он запретил...

Одна рука метха неожиданно подалась в моем направлении, приблизившись на расстояние пары сантиметров к открытой поверхности моей кожи. Я вздрогнула. Хозяин всегда с откровенным отвращением избегал любого соприкосновения. Я знала: даже если случайно задену его, наверное, убьет...

Сейчас же он приблизился сам. Мой взгляд так же замер на его руке, страхась дальнейшего. Уже не ужас, паника подступала к сердцу. Метх, словно тоже неосознанно, поднес руку, но теперь не решался притронуться. Он так и замер совсем рядом, наверняка ощущая тепло моей кожи. Я его ощущала отчетливо. И мы оба не дышали.

– Пospеши, что тебя задержало? – вскрик из другой части жилища заставил вздрогнуть нас одновременно. Гринод! Он перспективная пара моего хозяина. Как ни странно, но всегда отчаянно опасаясь его, сейчас – впервые – была несказанно благодарна самому факту его существования. Метх опомнился и отстранился! Я облегченно перевела дыхание.

И снова ошиблась! Вновь не сдержалась и бросила на него стремительный взгляд из-под капюшона. Зря... Не знаю, что было во взгляде хозяина, я не поняла. Но почувствовала небывалой силы ужас от выражения его глаз...

Глава 1

Дейнари

Поняла я тогда немного. И помню все плохо – слишком внезапно случилось нападение верпанов, слишком страшны оказались его последствия. Все изменилось разом. Вот мы летели, несколько дней назад покинув Цезарион, наслаждались веселыми забавами, что доступны лишь в космосе, строили планы о том как проведем вместе время на новой планете. Конечно, веселилась и предвкушала только я. Родители, скорее снисходительно, подыгрывали мне. Происходящее нравилось мне бесконечно. Огорчало лишь одно – брат – Дарг – не полетел с нами, не успел, его задержал дядя – правитель Цезариона.

А потом все резко закончилось. Просто замерло... время, словно остановилось. И мы все остановились – в буквальном смысле. Я не могла пошевелить и пальцем, ощущая при этом мучительное удушье и... страх. Не понимая, что произошло, с детской простотой знала – это что-то плохое. Очень! И я чувствовала родителей, и знала, что они сопротивляются, и другие мои взрослые соплеменники тоже. Волны нашего естественного излучения отчаянно бились изнутри превратившегося в сдерживающий кокон воздуха, пытаюсь обрести

свободу, спасение. И даже мои слабые и неумелые еще силы как-то инстинктивно вливались в общий поток. Но... нападение стало совершенно внезапным, дерзким до сумасшествия – в этом секторе космоса господствовали мы – арианцы, и верпаны здесь оказаться не могли. Но они напали. А нас было слишком мало, чтобы противостоять. И мы были для них слишком желанной добычей... Каждый из нас позволял одному из них обрести «защиту» от нашего влияния. Для этого лишь надо было заполучить частичку нас... особую частичку. Так когда-то объяснила мне мама. Но смысл ее предупреждения я поняла гораздо позже.

Дальнейший ужас смешался в памяти. Ощущение «выгорающих», отдающих все силы на спасение меня родителей, внезапное ощущение подвижности – их последний дар мне, мамин крик о призыве брата, мой инстинктивный рывок с целью укрыться в самом невероятном и недоступном месте корабля...

Увы, убежать я не успела. Верпаны уже были на нашем корабле, и я выскочила прямо на них. А дальше... невероятный ужас, настолько страшный, что словно скрыт мутной пеленой беспомысленности – я помню лишь свои ощущения. Мука... Ощущение боли, агонии и страданий других арианцев. И они не прекращаются.

И отвращение. Истовое отвращение ко всему окружающему – темной повсеместной слизи, самым «монстрам».

И страх... Те, кого я ощущала – они сгорали, исчезая один

за одним. Я понимала, что и до меня, сжавшейся в самой глубине этой отвратительной пещеры – за спинами всех, кого верпаны перетащили к себе, дойдет очередь. Ведь и во мне есть та «особая частичка».

Нас было только четверо, когда все вокруг затряслось. Но я, в состоянии полной невменяемости от всего испытываемого, уже не способна была реагировать. Просто рухнула лицом в вонючую слизь привычной жизненной среды верпанов. Когда, спустя время, кто-то дернул и поволок за собой – не обращала внимания. Безвольно обмякла и барахталась на полу, удерживаемая чьей-то хваткой. И слышала голоса. Даже понимала: я знала язык метхов.

– Две самки есть, годные к размножению. Арианки с того корабля, на который напали верпаны, – кто-то кричал позади.

– А тут что? – и меня встряхнули за плечо, понукая открыть глаза.

– Ребенок, самка, но пока не пригодная совсем.

Даже я знала, что у этой расы отношение к женщинам было самым безобразным и унижительным. Еще неизвестно, что лучше – быстрая, хоть и мучительная, смерть в плену верпанов, или долгая и безнадежная агония страданий при «сосуществовании» с метхами. Женщины считались у них существами даже не второго сорта. Они были чем-то сравнимым по уровню восприятия с домашними животными. Все женщины, независимо от расы. Их содержали в специаль-

ных строениях, куда обязан был минимум раз в определенный срок наведываться каждый мужчина. Хватал любую годную – а беременных содержали отдельно, и, не озадачиваясь укрывающим балахоном, с неизменным отвращением оплодотворял.

Об искусственном процессе эта раса не задумывалась, им чужды были подобные взгляды. Метхи во многом были настоящими варварами, но крайне воинственными и многочисленными – плодились они стремительно. Даже в противостоянии с верпанами они брали численностью и яростью. Сил верпанов просто не хватало на всех метхов, а последние не боялись любых потерь. Один метх мог за жизнь наплодить несметное множество себе подобных. Поэтому эта раса занималась постоянным расселением по новым территориям и добычей ресурсов. Проще говоря, грабежами и нападениями. Хотя, соседствующие с ними в космосе верпаны «не позволяли» численности метхов значительно прогрессировать.

Каждая успешно оплодотворенная женщина получала бирку с указанием данных «благодетеля» на период вынашивания ребенка. Это позволяло каждому новорожденному мальчику обрести имя и род! По истечении полугода с момента рождения детей мужского пола забирали, чтобы дальше воспитывать совместно, возвращая в них воинский дух и уважение друг к другу. А их матери снова попадали в категорию «годных». Как и подросшие до репродуктивного возраста дети женского пола. Девочки рождались и всю жизнь про-

водили в тех специальных строениях, не зная другой жизни, и полагая ее единственно верной и естественной.

Но я была пусть и маленькой, но арианкой. Представительницей совершенно иной культуры. И подобное использование казалось мне чем-то жутким. Повезло, что возрастом я еще не «состоялась» – пара лет была в запасе. Но вряд ли это облегчит мою участь...

– Бросим ее тут? – меня швырнули вперед.

С силой ударившись лицом о пол, почувствовала резкую боль и невольно наворачнувшиеся на глаза слезы. Приземлилась я возле ног одного из них. Со страхом, преодолевая неприятные ощущения, приподнялась и посмотрела вверх. Рядом возвышался жуткий – огромный, испещренный шрамами, и обляпанный вонючей верпанской слизью метх. И оказалось, что он как раз смотрит на меня! Мы встретились взглядами. Безразличие в его глазах не предвещало мне чего-то хорошего, но...

– Возьму ее себе, – лениво сообщил устрашающий четырехрукий гигант.

И все, больше обо мне никто и не вспомнил. Прежде чем двинуться, метх схватил меня за плечо и толкнул, заставляя встать на ноги и идти впереди. Так мы преодолели долгий путь по их кораблю, прежде чем меня втолкнули в узкую и темную каabinку.

– Твое место! – прозвучал первый приказ мужчины, ставшего мне хозяином.

Страх уже не было. Только усталость и отчаяние. Но была и надежда – теперь у меня появилась возможность позвать Дарга.

Так и началось мое унылое и жалкое существование. Унылое, мне редко удавалось видеть что-то, кроме своего темного угла, а жалкое... обращались со мной соответственно принятым у метхов обычаям.

– Кирен (я быстро уяснила, что это было имя моего хозяина), ты намерен обзавестись сыном раньше, чем объединишься со мной? – каждый раз, даже мимолетно замечая меня, раздраженно шипел Гринод.

Этот симпатичный по меркам этой расы мужчина прямо таки неотступно следовал за моим хозяином.

– И в мыслях нет, – каждый раз отмахивался он от подозрения. – Да и она совсем мала. Не осилит.

При этом в мою сторону он ни разу и не взглянул за это время. Относился как к части интерьера своего жилого пространства. Швырял не глядя, приказывал, не сомневаясь, что я услышу и исполню. И за это я была благодарна! Надеюсь, что в таком режиме смогу дождаться брата – призывы к нему я посылала постоянно. Насколько хватало сил и умения.

– Но она находится близко к тебе постоянно. В то время как меня ты не подпускаешь! – упорствовал Гринод, заводя свою извечную песню о намерении перебраться на постоянное место жительства на территорию капитана. А именно им был мой хозяин. Капитаном корабля и этого сборища бан-

дитов.

Сколько раз, притаившись в каком-нибудь укрытии, я слышала эти разговоры. И хотя Кирен не делился со мной своими мыслями, но меня не покидало ощущение, что его раздражают эти нескончаемые придирки. Поэтому Гринод продолжал настойчиво преследовать Кирена своим вниманием. Из резких окриков хозяина я поняла, что так же он вел себя и публично.

Мой хозяин был персоной немногословной, сдержанной и нелюдистой. Он был одиночкой по натуре, предпочитая больше скрывать от всех, нежели обнародовать. Назвать его эмоциональным язык бы не повернулся. И болтливость, извечное брюзжание и нудная настойчивость Гринода его тяготили. Впрочем, меня ситуация только радовала. Явная ненависть и злоба Гринода в мой адрес (а сам факт того, что он не забывал о моем существовании, уже говорил о многом!) гарантированно не предвещали мне ничего хорошего. Пока участь рабыни капитана была самой безопасной. Ему я была безразлична, для остальных не существовала. И пусть так будет до появления Дарга!

Я научилась чувствовать скрытую от всех напряженность метха, которая исчезала, стоило ему остаться одному. Меня он в расчет не принимал. Они все не принимали. Так, часто, отправив в очередной раз надоедливую Гринода отдыхать, Кирен раздевался и расслабленно устраивался на ложе. Обо мне не думал, лишь в определенный момент протяги-

вал руку, полагая найти там необходимое – еду, питье. Для него я была выдрессированной зверюшкой, которая гарантированно обеспечивала все его потребности, заведомо предугадывая их. Чтобы не напоминать о своем присутствии, я стала тенью, научилась перемещаться неслышно и незаметно, неделями не попадаясь на глаза хозяину. Если же он мимолетно видел меня, всегда недовольно морщился и раздражался. Следовало наказание – я не получала еды. Это был элемент дрессуры самки, что была принята у метхов. Я даже понимала, что он не стремится сделать мне плохо или ослабить, он просто поступал естественно для себя. Вынуждал меня жить так, чтобы ему было удобно. А разве может мебель быть с чем-то не согласна? Ее удел – функциональное присутствие.

И я была мебелью, научилась бы совсем растворяться в окружающем пространстве, если бы не глупость Гринода. На самом деле он сам постоянно напоминал хозяину обо мне.

– Кирен, я настаиваю на омовении, – трещал он, появившись следом за метхом.

Я сразу опасливо юркнула в свой угол, надеясь, что сегодня избегу неприятностей. И что мужчинам не до меня. Судя по эмоциям в тоне Гринода – точно не до меня.

– Я что, воняю? – немного свирепо рыкнул в ответ Кирен, врываясь в помещение и накидываясь на приготовленную мною еду.

– Твой аромат всегда хорош, – не отставая ни на шаг,

клялся Гринод. Мне в его тоне слышались неискренность и лесть.

– Тогда к чему мыться? – недовольно поводя плечами, фыркнул метх. Нижняя пара рук при этом напряженно сжималась в кулаки. Ему не нравилась несвоевременная придирка соратника. – Я устал сегодня. Отличное нападение получилось. Добыча прекрасная. Будет чем расплатиться с командой. И сейчас хочу одного – спать.

– Потому что мне этого хочется, – настаивал Гринод. – Омовения быстро снимут всякую усталость.

Я замерла. Повисла тишина. Мне казалось, что Кирен раздумывает над выбором. В итоге он вздохнул и натужно приподнялся.

– Ладно... – спать ему явно хотелось больше, но...

Второй метх с радостным вскриком устремился к купальне. Хозяин тяжело протопал следом. А я внезапно сообразила, что не успела наполнить емкости мыльной массой! Собиралась, но метхи так внезапно пришли...

– Дейнари! – гневным приговором раздался через несколько минут вопль Гринода, подтверждая мои испуганные ожидания – мыльная масса понадобилась!

Не знаю отчего, но этого метха я боялась даже больше самого хозяина. За те два года, что я пробыла безликой прислуживающей тенью, утвердилась в ощущении, что Гринод с лютой злобой относился ко всем, кто хоть как-то был приближен к Кирену. Даже меня он неосознанно включил в этот

круг. По крайней мере, всегда яростью реагировал на мое, даже отдаленное, присутствие. И я его отчаянно избегала, опасаясь. Сейчас же хоть и понимала, что необходимо идти и выполнить то, что обязана – не могла заставить себя сдвинуться с места. Лишь перестала дышать, глубже отползая в темноту небольшого закутка, и затаившись.

У арианок считалось недопустимым явиться к обнаженному мужчине до наступления периода стабилизации волнового поля, излучаемого ее организмом. Я пока управлять ими в полной мере не могла, а значит, не доросла. Заложенные с детства нормы не исчезли даже от жалкого полускрытого существования на положении рабыни метха. И сейчас я инстинктивно боялась идти на зов, ощущая отвращение и... страх.

– Мерзкая, ничтожная, никчемная! – меж тем орал этот несдержанный метх, грозя мне самой жуткой смертью за то, что испортила все его планы своей ленью. Я слышала, что он ищет меня, гремя крышками, открывая все попадающиеся по пути отсеки. И грохот приближался к тому месту, где затаилась я! – Знаю, она специально это подстроила!

В ужасе вжавшись в переборку за спиной, вцепившись рукой в кончик судорожно колотящегося хвоста, приготовилась к смерти. Ненависть, звучащая в голосе метха, была безумной. И шум все приближался и приближался!

«Шесть» – вела я страшный отсчет, невольно фиксируя хлопок каждой двери, за которой он не обнаруживал меня, –

«Пять...»

– Знаю, что ты тут! Доберусь до тебя, ничтожество, – орал взбесившийся мужчина.

Я уже почти вжалась в стену позади, понимая, что в следующий миг он меня обнаружит. И просто разорвет на четыре части голыми руками!

– Гринод, не раздражай меня! – спасением стало недовольство Кирена. – Я устал и желаю только одного – отдыха. Отосплюсь и помоюсь. Прекрати разносить мою жилую зону. У меня в голове шумит от твоих воплей. Иди...

Кровь шумела в ушах, а тело трясло от избытка эмоций и разного рода излучений, что невольно распространяла я, когда обессиленная страхом и облегчением плюхнулась на пол. Спаслась!.. Выждав немного, прислушавшись и поняв, что хозяин спит, стремительно метнулась к купальне, восполняя свою ошибку. Чем дальше, тем чаще я становилась мнимым поводом для злобы Гринода, и только чудо пока оберегало меня. И Дарг все не появлялся...

Глава 2

Дейнари

Испуганно вскочив на обе ноги и одернув подол балахона, не обращая внимания на мгновенно намокший его низ, застыла на месте, не зная, что теперь делать. Взгляд хозяйна, сама ситуация, которой в принципе не должно было случиться... выбили из колеи. Проведя два последних года в обиталище капитана корабля, научилась существовать тут с наименьшей угрозой для себя. Продолжала надеяться на помощь, зная, что брат не отступится, пока не спасет меня. Но сейчас... все резко изменилось!

Как и почему я не поняла. Но почувствовала – что-то случилось! Что-то страшное для меня. Это было во взгляде Кирена, во впервые проявленном им ко мне личностном интересе, в отблеске мысли, что на секунду жадной мелькнула в его глазах. Как неудачно я пошла мыть ноги! Как несвоевременно вернулся хозяин. И как странно он отреагировал, застав меня с обнаженной коленкой...

Метхи были совершенными дикарями. Мне никто даже не предложил обуви. Единственным облачением женщине служил балахон. А ноги оставались босыми. Поэтому по возможности, если не было Кирена, я старалась мыть их еже-

дневно. Сама я тоже мылась, когда могла, но ноги пачкались особенно быстро. И вот сейчас воспользовалась моментом. И навлекла неприятности на свой хвост!

Впрочем, Кирен, увлекаемый призывом Гринода, ушел.

«Возможно, я зря паникую!» – попыталась утешить себя, убедить, что со страху показалось... – «Он и не вспомнит о случившемся. Надо постараться совсем в ближайшее время его не раздражать».

Моим намерениям не суждено было осуществиться. Стоило немного успокоиться и решить, что хозяин и думать не будет об эпизоде в купальне, как он вернулся и практически сразу позвал:

– Дейнари...

Не явиться я не могла, хотя было отчаянно страшно. За два года я свыклась с тем, что громадный метх меня или не замечает, или стремится поскорее прогнать с глаз долой. И в принципе сейчас за его призывом может стоять какой-то банальный приказ, но на душе было беспокойно. После его взгляда... Страшно! Шла к нему, еле переставляя ноги, хвост тревожно подрагивал, сжавшись, и радовалась гигантскому бесформенному балахону, что позволял укрыться и спрятать выражение лица. Наверняка ему бы одного взгляда хватило, чтобы распознать мой ужас.

Но как я не оттягивала момент новой встречи, он наступил. Я вошла в помещение, что служило Кирену спальней. У метхов все бытовые нужды были, с моей точки зрения, при-

митивными и аскетичными до предела. Так, постелью моему хозяину служил какой-то бывалый гамак. Впрочем, сейчас это меня заботило меньше всего.

Едва переступив границу помещения, замерла, склонив голову ниже, стремясь спрятаться за капюшоном полностью, и панически опасаясь случайно встретиться с мужчиной взглядом. Вопреки привычному его поведению, никакого приказа не последовало – метх молчал. Но я чувствовала его взгляд, направленный на меня. Он ощущался мною физически – давил, пугал, вынуждал сжиматься сильнее, предчувствуя проблемы.

Так прошло несколько минут: хозяин молчал, я в душе дрожала. Что ему надо?.. Не знала, чего и ожидать: для деторождения я еще не созрела, в любом другом качестве я метху была не интересна в принципе!

Но он изумил...

– Сними это! – скорее почувствовала, чем увидела, как одна из рук хозяина коснулась грубой ткани капюшона. И... ужаснулась.

Нет! Только не снова встретить этот его взгляд. Взгляд, в котором меня впервые заметили, взгляд с любопытством, интересом... мужской такой, одобряющий, горячий. Судорожно сглотнув, почувствовала как хвост инстинктивно, выдавая мой страх, прижался к ногам. Так страшно, как в эти секунды мучительного размышления, мне не было со времен нападения верпанов. Но послушаться?.. Это верная смерть.

Медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, подняла руки, ухватила края капюшона и вознамерилась немного оттянуть его назад. Голова напряженно качнулась, отчего волосы немного сдвинулись и белоснежная прядь – наследие моего рода – выскользнула наружу. Одновременно она попала в поле зрения моего устремленного в пол взгляда и была подхвачена ладонью оказавшегося рядом мужчины. Задохнувшись от неожиданности и странности его поведения (он не выносил возможности даже случайного соприкосновения!) как зачарованная уставилась на широкую меднокожую руку, как-то неловко сжимающую мою прядку. Пальцы метха перебирали шелк моих волос, слегка поглаживая, и как-то рассеянно накручивая на указательный палец. Происходящее было невероятным!

Я могла ожидать чего угодно – грубости, жестокости, даже смерти! Но не мягкости от этого мужчины. Не интереса... Капюшон я так и не сдвинула, застыв на месте, и не дыша. Казалось, происходящее – сон. И... метх видимо очнулся!

Поскольку внезапно, словно опомнившись и осознав, что делает, резко замер, а потом отпрянул, стремясь отдалиться. Кожу головы обожгло болью – это, не утруждая себя выпутыванием пальцев из моих волос, метх отдернул руку. При этом приличный клочок волос из меня вырвал. Не сдержавшись – зашипела от боли, забыв о капюшоне и прижав руки к груди. На глаза навернулись слезы.

– Убирайся! Как ты посмела, – зашипел хозяин, судя по

тону ненавидя себя в это мгновение. – Это ваши проклятые арианские штучки. Не думай, что я поддамся этому отвратительному чувству. Вы – презренная раса.

Не помня себя от ужаса, боясь его гнева, я сорвалась с места, устремляясь дальше от мужчины. Выбраться из его жилого пространства я не могла, но стремилась спрятаться хотя бы тут...

Трое суток я прилагала немислимые усилия, чтобы не высовываться. Три дня Гринод почти ежечасно навевывался в жилую часть капитана, стремясь поднять ему настроение и помочь скоротать время перелета до цели. Все это время Кирен ни разу не обратился ко мне с приказом.

– Дейнари! – призыв настиг меня во сне. Как странно? Но, выбравшись из своей норы, поняла, что мой хозяин один. И он снова позвал меня! Все пережитые страхи вернулись вновь, нахлынув усиленной волной. Я едва ли не дрожала, подходя к его спальне.

– Сними капюшон, – я переступила порог, и жуткий приказ вновь был озвучен. Устало, как-то надломленно. И категорично!

Неотвратимо...

Подчинилась. Испуганно сжавшись, отбросила с головы укрывающую ткань. Взгляд от пола не подняла, отчаянно надеясь, что ему будет достаточно увидеть мою неприкрытую макушку. Увы.

– Посмотри на меня! – на миг зажмурившись, понимая,

что надо изо всех сил постараться скрыть свой ужас и непонимание, подняла на мужчину взгляд.

Метх стоял в паре метров от меня, широко расставив ноги, верхняя пара рук была скрещена на груди, нижняя – сжата в кулаки. Его напряжение я буквально ощущала кожей. И любопытство... Его увидела в серых глазах. Интерес. Желание.

Сглотнув, невольно отступила назад, понимая, что Кирен действительно меня «заметил». Мужчина лишь фыркнул, заметив мое движение, и решительно шагнул ближе. Одна его ладонь плавно поднялась вверх и... опустилась на мою голову. Потом скользнула по волосам, устремляясь к плечу и ниже. Метх не дышал, он сам выглядел изумленным. Его серые глаза недоуменно расширились, дыхание оборвалось.

Вот его ладонь, поглаживающая мои локоны, коснулась плеча и вслед за ними скользнула дальше. Он почувствовал то, что было скрыто от взгляда бесформенным одеянием – мою грудь. С первоначальным недоумением его широкая ладонь остановилась на одном из холмиков, укрытых балахоном и волосами. А потом он... отпрыгнул словно ошпаренный, лицо исказила гримаса отвращения и злобы.

– Арианка! – зашипел он. – Ты специально делаешь это, специально превращаешь меня в... сумасшедшего. Я убью тебя за это! Избавлюсь от необъяснимого наваждения. Это все ваши проклятые штучки!

Не успела я осознать трагический для меня смысл его

угрозы, как две пары сильных рук обхватили меня, мгновенно вскинув в воздух. Заверещав, инстинктивно вцепилась руками в плечи метха, а хвост, отчаянно храбро метнувшись из-под подола, обвил одну из его рук, сдавливая, силясь оторвать от меня. Кирен неожиданно замер. Осознав, что нападение приостановилось, посмотрела на мужчину. Он широко распахнутыми глазами уставился на мой хвост, плотным кольцом обхватившим запястье одной из его рук.

Взгляд метха был шокированным! Он шумно вздохнул и... расслабив «плененную» мною ладонь, перехватил мой хвост. Так я оказалась обездвиженной полностью: три руки метха с легкостью удерживали меня на весу, а четвертая сжимала мой хвост. При этом он странно вздрагивал, как-то очень глубоко дышал и заворуженно смотрел на мою пятую «конечность». Неожиданно, едва не заставив меня помереть от испуга, голова мужчины склонилась к самому кончику моего хвоста. Лицо с жутковатыми, какими-то полубезумными глазами и оскаленным клыками ртом, приблизилось к самому его основанию, покрытому мягкими белоснежными волосками. У арианок хвосты более «пушистые», нежели у наших мужчин.

«Укусит!» – в панике мелькнула мысль, а хвост напрягся до предела – это я натужно старалась его вырвать.

Но хватка метха была для меня непосильной, освободить хвост не получалось. В то время как мужчина совсем вплотную приблизил его к себе. Кирен щекотал кончик моего хво-

ста теплом своего дыхания! При этом лицо у него было таким отчаянным! Приготовившись к ощущению неминуемой боли, я зажмурилась. И тем больший шок испытала, когда ощутила, как он прижался к мягкой шерстке щекой...

Сдавленно охнув, привлекла внимание мужчины к себе. Метх... смутился. А потом разозлился!

– Не смей ничего думать! – рявкнул он. Я истоиво затрясла головой, обещая. Думать в этот момент в принципе была не способна. От страха! И удивления... Не наказали. Пока.

Не очень деликатно меня вернули на пол, но не швырнули, как я вполне могла ожидать от этого варвара. И мой хвост он продолжил удерживать в своей руке. Это заставляло меня держаться настороженно, в напряжении – вдруг резко дернет и причинит мне боль? От метхов можно ожидать чего угодно. В отношении женщин они были настоящими животными.

– Иди в купальню, – приказ шокировал. Испуг возрос до запредельной величины. Зачем?!

От страха совсем растерялась и не сдвинулась с места. Хозяин тут же рассвирепел. Оскалился. Зарычал. Стиснул чувствительное окончание моего хвоста.

На глазах невольно выступили слезы. Хвост он от себя тут же отшвырнул, явно ощущая раздражение и недовольство моей дезориентированностью. А возможно собственным, в высшей степени странным поведением. И это было чревато... Осознав, сорвалась с места, устремляясь к указанной

цели. И отчаянно надеюсь, что дальнейшее не станет чем-то жутким. Метх шел следом.

В небольшом помещении с округлым полом и льющейся со стены водой, я нервно застыла, уставившись взглядом в пол и мечтая вновь укрыться капюшоном. Но он не приказывал, а сделать это самостоятельно я опасалась. Мужчина стоял с другого края купальни, и – я чувствовала – смотрел на меня.

– Мой! – резкий и отрывистый следующий приказ.

В недоумении, не понимая и растерявшись, инстинктивно посмотрела на него. Ранее метх не допускал и мысли о прикосновении, а сейчас требовал себя вымыть? Я не смогу... Мне нельзя.

– Ноги мой, – он грубо рыкнул, вновь раздражаясь от моего внимания. И... смущаясь?.. Мне показалось, что ярость его была немного бравурной, вспыхнула, стоило ему увидеть мое растерянное непонимание.

– Свои? – потрясенно, начиная осознать, выдохнула я.

Итак, нестабильный уровень излучения ощутимо взметнулся вверх, меня немного закружило.

– Да, – отрывисто, с каким-то затаенным предвкушением подтвердил метх. И с облегчением!

Неловко от странности ситуации, словно разучившись управлять своим телом, приподняла подол. Ниже, чем обычно. Но под пристальным взглядом меднокожего руки тряслись, хвост нервно метался от ноги к ноге. Едва не рухнув,

переступила ближе к потоку и робко поднесла к нему стопу, позволяя воде окатить ее. Потом, спеша, зачерпнула щепотку мыльной массы и, кое-как скрючившись и балансируя на другой конечности, принялась размазывать массу по ноге. В основном по ее основанию, спеша. Очень спеша. Хотелось скорее закончить и... укрыться под ставшим уже привычным балахоном. Укрыться было необходимо. Я чувствовала внимание метха. От его пристального и изучающего взгляда едва не вибрировал воздух между нами. Или вибрировал? Мои неподконтрольные пока волны излучения?..

Но стоило мне поставить чистую ногу на пол и потянуться к воде второй стопой, как... мужчина, словно влекомый нестерпимым притяжением, сначала всем корпусом качнулся в моем направлении, а потом и вовсе шагнул вперед. Преодолев разделявшее нас расстояние. Встав вплотную ко мне! И присел...

Во рту мгновенно пересохло, тело окаменело. Я сжалась, стараясь незаметно отодвинуться, создать между нами дистанцию. Хоть в несколько сантиметров. Страх уже не вмещался во мне. Он превратился в лед, не позволяя шевелиться. Только глаза... взгляд скользил, отмечая каждое движение его рук. Метх как-то опасно и плавно, сначала просто подставив руки под струи воды, переместил их к моей ноге. И замер в миге от нее. В нерешительности, не понимая, чего хочет, не зная, что делать...

Тишина, если бы не шум воды, была абсолютной. Мы не

дышали точно. Я от ужаса. Он... не знаю.

Но вдруг Кирен решительно передернул плечами и нижней парой рук подхватил мою ногу. Две другие его руки прикоснулись к коже стопы. Поначалу осторожно, словно боясь обжечься или уколотся. Его твердые пальцы, мимолетно скользнув по поверхности моей кожи, потом уже более уверенно прижались к ней! И метх выдохнул... с изумлением... восторгом!

Его пальцы, словно впервые научившись чувствовать, ощущать... медленно-медленно перемещались по моей коже. Глядя, обнимая, изучая... Забыв обо всем другом, мужчина полностью погрузился в процесс узнавания. Его грубые до жесткости ладони, возможно, впервые ощутили настолько гладкую и нежную поверхность чужого тела.

И это стало открытием! Откровением...

Кирен как зачарованный гладил и гладил мою ногу, стремясь осязать одновременно каждую ее частичку, укрыть в своих ладонях; ловил тугие капли, смягчая удар и не позволяя им разбиваться о мою ступню. Растирая влагу по поверхности кожи, смакуя прикосновение к каждому ее сантиметру, ладонью огибая каждую линию, перебирая пальчики.

Время для него словно остановилось. Метх полностью погрузился в таинственное для него ощущение бархатистости и хрупкости. Женственности! Таинственное и явно манящее. Поскольку мужчина совершенно отрешился от всего, сосредоточившись лишь на ощущении моей кожи.

Одна его ладонь зачерпнула мыльный состав и резко опрокинула на мою ступню. Внезапно метх замер и, подняв голову, посмотрел на меня. Словно вдруг устыдился своей грубоватости и желал узнать: не сделал ли мне больно?..

Взгляд его меня ужаснул. Было в нем что-то темное, дикое... порабощающее. И так, стоя, не шевелясь, боясь даже вздохом спугнуть его настроение, которое неминуемо обернулось бы яростью, чувствовала, как внутри скручивается тугой жгут паники. Ледящего душу ужаса – я не представляла, что предвещает изменение поведения хозяина. Я боялась даже думать об этом. Вдруг он вновь обвинит меня в попытках манипулировать им? И убьет за это?.. Я не сомневалась, что для него это будет легкой задачей – минутным делом и минимумом усилий.

И ощущать его прикосновения было... чудовищно страшно. Я понимала, что в любое мгновение эта неловкая ласка и необъяснимое любопытство могут обернуться убийственной силой и жестокостью. Сдави он мою ногу, как минимум бы раздробил кости. Случись ему опомниться и прийти в ярость! А он неминуемо это сделает, ведь происходящее – ненормально... И лишь немного времени отделяют меня от... боли. Собравшись, я ждала, ожидала ее.

Мужские пальцы, вымыв каждый клочок кожи моей ноги, по множеству раз приласкав ее свод и ощупав каждый пальчик, изучающе массировали основание ступни, заставляя искорки расслабляющих волн будоражить мое сознание.

Но я не поддавалась этой нагнетающей неге и ждала... Мига расплаты за его странный порыв!

Казалось времени прошло страшно много, когда метх вдруг осторожно, как бы проверяя границы возможного, плавно скользнул пальцами выше, переместившись со ступни на невидимую ему голень, нырнув под давно намокший край подола моего платья. Не выдержала, почему-то решив, что вот оно – начало!.. Сейчас он сдавит, обожжет болью... Зашипела! С отчаянием и предчувствием муки.

Кирен замер. Его руки очень медленно, как-то с усилием отстранились от моей ноги, позволив ей тяжело обмякнуть на влажный пол. Обдав брызгами и без того намокшую одежду варвара. Метх головы не поднял, его взгляда я не увидела. К счастью!

Когда испуганно закусила губу, сдерживая крик, и ощути-мо подрагивая в предчувствии страданий, он ледяным тоном негромко и мучительно медленно произнес:

– Убирайся!

С трудом сохраняя равновесие, неуклюже переступая окаменевшими ногами, не обращая внимания на хлопающие друг о друга при каждом движении края сырого балахона, заковыляла наружу. Прочь! Убегая, спеша отдалиться от него.

Укрыться. Затаиться. Спастись.

Обдумывать случившееся я была не в состоянии. Просто не способна была осознать причины и возможные последствия. И теперь я стала бояться его гораздо больше. Запре-

дельно сильно. Теперь я знала, что Кирен – непредсказуем!

Глава 3

Дейнари

Можно сказать, что с того самого дня для меня все изменилось. Нет, Кирен, шокировав необъяснимым поведением, вновь стал вести себя более-менее привычно – игнорировать меня. Разве что я отметила, что он стал больше времени проводить в одиночестве. Причем, не только абсолютно избегая меня, но и сторонясь общества Гринода.

Последний в связи с этим благодуще не стал. Его и до этого неприятный характер стал еще невыносимее. В отношении меня он и вовсе свирепствовал. Если бы не внезапно ставшее совершенно ледяным и безэмоциональным отношение самого Кирена, буквально не выносившего более моего присутствия, быть бы мне в трудной ситуации. А так... стоило все же двуличному метху оказаться в обществе капитана, как он словно задавался целью унижить и затерроризировать меня. Но при этом встречал негибимое сопротивление Кирена, едва не зверевшего, стоило мне вынужденно появиться на «призыв» его гостя. Выглядело это примерно так:

– Дейнари, – немного визгливо и невероятно раздражающе кричал Гринод спустя немного времени после своего появления, – где носит это никчемное ничтожество, когда она

необходима своему владельцу?

Идти в спальню хозяина отчаянно не хотелось. Последние дни он в принципе не обращался ко мне с каким-либо приказом. И это позволило мне, затаившись, и ни звуком не напоминая о себе, пережить ужас необъяснимого случая в купальне. Начать думать, что это была случайность, странность, эксцентричность. Которая уже забыта! Мне наивно верилось в это, всей глубины возможных последствий я просто не способна была представить...

И вот, переступив границу помещения, где были метхи, искоса бросила быстрый взгляд, отметив Гринода, что вальяжно развалился в гамаке хозяина, и самого Кирена. Последний, обнаженный по пояс, с закрытыми глазами сидел на холодной металлической пластине возле дальней стены, особым образом сгруппировав ноги и руки. Я уже знала, что это часть специальной, концентрирующей сознание, методики, применяемой у расы меднокожих.

– Твоему хозяину прохладно, – язвительно заявил Гринод, – твоя обязанность свернуться клубком возле его ног и согревать их своим дыханием и теплом тела.

По ноткам предвкушения в голосе метха я поняла, что он наслаждается мыслью о подобном моем унижении. Жаждет сам насытиться этим зрелищем, усугубив этим мои душевные терзания. Но сейчас не это стало самым жутким. Полагая, что смогла полностью отрешиться от странных мыслей о перемене в поведении хозяина, я, стоило прозвучать слову

«ноги», застыла на месте ледяным изваянием. Страх, непонимание и нежелание вновь нахлынули на меня. Затмив разум. Ведь сам Кирен никогда бы не стал приказывать подобную чушь. Он был слишком аскетичен в своих потребностях. Я уже немного представляла его характер за проведенное на корабле метхов время.

Однако не на одну меня слово возымело эффект! Капитан вздрогнул и раскрыл глаза, уставившись на меня в упор! Кажется, он увидел меня впервые с того странного дня. Я чувствовала этот взгляд, он словно проникал сквозь ткань капюшона, трогал мои гладкие светлые прядки, касался ступней...

– Вон!!! – рев капитана был таким яростным, что Гринод от неожиданности свалился на пол, а меня в буквальном смысле сдуло с места.

Дрожа от ужаса, остаток дня я носа не высунула из своей норы. Но даже до меня долетали отголоски голосов ссорящихся метхов. Один высокий и просящий, и второй – тихий, но злой и отрывистый.

В следующий раз Гринод решил зайти с другой стороны: – Дейнари, обслужи потребности своего хозяина – он не принимал еще пищу сегодня, – продемонстрировал Гринод показную услужливость, призвав меня на следующий день.

Кирен не ел уже трое суток по моим наблюдениям. Он практически все время занимался своей концентрацией, совершенствуя навык.

Этим призывом Гринод вынудил меня вновь появиться в спальне Кирена. Сказать, что я при этом дрожала в душе, это очень мягко обрисовать мое состояние. Меня трясло от ужаса, после последнего памятного рыка я не видела хозяйина трое суток! Он все так же игнорировал сам факт моего существования. Но Гринод вновь сумел пробиться на его территорию... и началось. Первым делом призвал меня, потребовав еды. Кирен всегда сам занимался своим питанием, бросая и мне что-то. Но явившийся метх развил показательно заботливую деятельность.

Выслушав, что от меня требуется, отправилась к необходимому отсеку, куда доставлялись питательные замороженные наборы метхов. Разогрев пищу специальным образом, понесла мужчинам. Мебель у них была не принята, столовой поверхностью служил пол в углу, укрытый специальным куском ткани. Все по-походному...

Гринод величественно расселся возле расставленных мною подогревающих дисков с пищей, приглашая Кирена присоединиться. Сам хозяин, отвернувшись к стене, с закрытыми глазами и сосредоточенно-напряженным телом, сидел все на той же пластине. Мне казалось: он даже не дышал! Проскользнув мимо, мельком отметила, что его грудь не двигалась. Впрочем, основательнее смотреть в его направлении я побаивалась. Скорей бы выполнить требуемое и исчезнуть.

– Ты бы арианку тут не держал, – как бы мимоходом, заметил Гринод, продолжая «поддерживать беседу». – От них

и потомство трудно достается – не плодовитая они раса, да и к делу приспособить их можно раньше. Эта так точно уже годна. А есть среди команды те, что не отказались бы от сыновей. (Для тех метхов, что долго находились вне планет расселения их расы, позволялось брать самок с собой, содержать их в закрытом и изолированном от любого коллектива помещении, и использовать там же).

В шоке от услышанного, едва не выронила большой диск с кусками острого мяса. Резко подурнело: неужели так и будет?! И Дарг за мной еще не пришел... На что мне еще надеяться?..

– Нет, – резко отреагировал Кирен.

Я почувствовала, что он шевельнулся.

– И зря! Ты пока на потомство претендовать не можешь. А ее можно пока испытать – первые дети часто слабые. Последующие – сильнее. Давай ее Метцу или Нуару отдадим? Принесет им сыновей, и назад заберем. Там уже и можно будет ее использовать по назначению. А они ее с гарантированным результатом отдадут, сам знаешь – более крупных бойцов среди нас нет. Редкой самке удастся выжить, их сыновей родив. Зато уж если осилит, то сможем быть уверенны, что и нас обеспечит. Кирен, ты же мечтаешь о сыне? – и Гринод жестко схватил меня за предплечье, словно прямо сейчас намеревался волочь к этим гигантам.

Испугавшись до безумия, заскулила, пытаюсь вывернуться, хвост инстинктивно дернулся и хлопнул по бедру обид-

чика. Но метх ловко поймал его и, сдавив, сильно потянул. Стало нестерпимо больно. Все равно если бы пытались оторвать ногу. Охнув, не выдержала и закричала. Слезы полились из глаз.

Но внезапно боль отступила. И я осознала, что вишу в воздухе – ноги пола не касаются!

– Не разрешаю! – бесстрастно рыкнул Кирен. Как оказалось, две его руки удерживали Гринода, третья – меня, а четвертая... четвертая рука метха высвободила мой хвост из лап гостя. – Дейнари мое имущество, мне и решать, когда ее использовать и кому.

– Ты слишком мягок с ней! – мгновенно взвился Гринод. – Она доросла до нужного возраста. Нельзя не связавшему себя узами постоянной связи метху держать рядом самку. Это нарушение!

– Да почему ты вообще о ней думаешь? – вновь разъярился Кирен. Ему эту концентрацию еще совершенствовать и совершенствовать!

– Потому что ты думаешь о ней! – потряс меня ответом Гринод. – И это неправильно.

Взбешенно хлестнув меня ладонью по той части капюшона, под которой было скрыто лицо, гость выскочил из помещения, явно устремившись к выходу.

– Убирайся, – немного устало, слегка встряхнув меня в воздухе, приказал Кирен. И это был именно приказ – тон иного не предполагал. – И не показывайся мне на глаза, если

хочешь жить. Если еще хоть раз придешь в ответ на чужой призыв – убью на месте. Запомни!

Сила, что я ощущала в его руках, мощь тела, находившегося рядом, заставляли задыхаться от ощущения давления. Всепоглощающего и неизбежного. Пусть я не видела выражения его лица, взгляда, но не сомневалась – там ненависть и прямая угроза! Не сомневалась – убьет в доли мгновения! Поэтому, стоило ногам коснуться пола, стремительно бросилась убежать. Спасаясь.

Увы, на этот раз ситуации не дано было постепенно забыться. Прошло совсем немного времени, как вернулся, явно накрутивший себя, Гринод. И...

– Дейнари!!! – дико заорал он, стоило Кирену впустить метха в помещение.

Услышав яростные и «многообещающие» интонации, даже не прикажи мне хозяин не откликаться, в ужасе забилась в самый неприметный угол.

– Она отныне повинуетя лишь моим словам, – немного удивленный поведением собрата, спокойно пояснил мой хозяин.

– Это недопустимо! – бесился метх. – Все осуждают твою жалость. Это неправильно. Арианку необходимо отдать одному из признанных лидеров в команде. А ты... просто страдаешь от одиночества, тебе необходима компания, присутствие равного рядом.

Повисло напряженное молчание. Я, затаившись как кро-

шечный зверек, страшилась любого поворота. Поселись тут Гринод – житья совсем не будет, подними команда бунт и «лиши» Кирена полномочий – все опять же закончится для меня плохо. У метхов во всем правила сила. Хочешь быть главным – стань сильнейшим. Или сплоти вокруг себя многих... Сейчас сила была на стороне Гринода. И он, очевидно, намерен был использовать этот шанс. Возможно, он преувеличивает «неправильность» поведения Кирена. Ему мое присутствие в роли его рабыни – на руку!

– Она не дозрела, менее проблематично убить ее сразу, – осторожно и немного устало отозвался мой хозяин. – Мне не важно, что с ней станет, но так бездарно ее погубить... Не так много самок можно забирать в полеты. Что до одиночества – это мой выбор.

– Ты так тревожишься о самке? Ну, умрет, что с того? – упирался Гринод, еще больше распаляясь. Ссора явно назревала. – Отдай ее мне прямо сейчас, и вся проблема разрешится.

– Нет, Дейнари – мое имущество, – вновь негромко, но твердо напомнил свои недавние слова Кирен.

Но я не спешила испытывать облегчение, понимая, что вопрос не закрыт и этот злобный метх не отступит. Чего я ему сделала, чтобы заслужить такую ненависть?!

– Вот видишь! – с нотками торжества вскрикнул он. – Ты противоестественно мягок и заботлив с арианкой! Это очевидно уже всем! Поэтому... или ты ее отсюда выпускаешь,

отдав команде, или... я вынужден буду собирать общий сбор и поставить вопрос о праве твоего лидерства. Никто не пожелает терпеть капитана-тряпку! Нас перестанут считать воинами после этого.

Повисла многозначительная пауза. Гринод выдвинул свой ультиматум. И даже я, еще мало разбираясь в их реалиях, чувствовала: эта трусливая тварь (а никем иным этот метх не был!) уже настроила всю команду против Кирена. Иначе он не был бы так смел... И сомнительно, что капитан предпочтет попрание своих интересов моим...

– Дейнари! – в этот раз меня звал сам хозяин.

Неужели все?.. Сердце ухнуло вниз, хвост судорожно заметался.

Как ни противилось все во мне этому, но пришлось выползти из своего закутка и отправиться к ссорящимся мужчинам. Но шла как на казнь. Головы не поднимала, искоса бросив быстрый взгляд на меднокожих, отметила и удовлетворение на лице Гринода, и сумрачную решительность в устрашающем взгляде Кирена.

– Идем! – с этими словами хозяин впервые за два с лишним года вытолкнул меня за дверь своей личной территории.

«Отдаст» – с отчаянием осознала я. Все было логично, но как же страшно... Время мук пришло.

Оба метха вышли следом. Толкнув меня в плечо, принудили двинуться в нужном им направлении. Так – тычками и толчками – мы передвигались какое-то время, за которое я

отчаянно старалась сдерживать свой страх, а мужчины молчали. Довольство Гринода было почти осязаемым, а вот Кирен был сдержан. Даже скрытен – ни словом, ни звуком не выдавая намерений. Впрочем, ставить под угрозу свое благополучие ради презренной рабыни он однозначно не станет.

– Но зачем?.. – растерянный возглас Гринода еще не успел подарить мне надежду, но подсказал: что-то пошло вразрез с его планами.

– Это выход, – перебил Кирен. – Капсула кары. Заблокируем арианку в ней на максимальный срок наказания – на полтора года!

– Но... зачем? – визгливые нотки и абсолютное недоумение в выкрике метха подсказали мне, что такой вариант он не предвидел.

– Это позволит всем остаться при своем. Она созреет до того состояния, когда станет полезна нам и сможет подарить сильных сыновей многим. А ко мне не будет претензий относительно ее нахождения в непосредственной близости. На полтора года она изолирована от всех и недоступна даже мне. Дверь автоматически раскроется лишь по истечении выбранного срока.

Меня, не церемонясь, толкнули в спину, вынудив влететь в темный зев невысокой капсульной двери. Едва я неловко упала на пол, как дверь позади захлопнулась, камеру осветило и механический голос возвестил: «Активация механизма закупорки завершена. Срок наказания – максимальный!».

Охнув, откинула капюшон и осмотрелась. Прямоугольное помещение, немногим больше моего роста в длину и ширину. Всего несколько квадратных метров. И здесь я, не имея возможности даже достаточно двигаться, проведу полтора года??!

Глава 4

Дейнари

В страхе осела на пол, не понимая, что теперь делать. В голове был хаос из мыслей и чувств. Сердце отчаянно билось в груди, почему-то казалось, что вот сейчас кто-то ворвется в эту «камеру» и... сделает что-то страшное. Осознать такие стремительные изменения не получалось. Уже второй раз в моей жизни все менялось кардинально.

Обхватив голову руками, привалилась спиной к стене. Тепло пульсировало болью – я была на пороге становления энергетического баланса, испускаемого моим сознанием волнового излучения, и замыкаться сейчас в таком тесном окружении было чревато. Физическое ограничение давило на сознание. Пусть это было скорее материальным ощущением (стены не преграда для импульсов сознания), но оно влияло – подавляя и искажая реальность восприятия.

На Цезарионе, подросших до этапа становления своих сил детей отвозили к источнику жизни планеты, туда, где не было границ для сознания, где перед каждым разворачивалась целая Вселенная. Это позволяло сформировать возможности их сознания полноценно.

Опять же я не понимала, почему здесь? И к чему гото-

виться?.. Чего ждать дальше от метха?..

Сколько так просидела, не представляю. Мне казалось, что долгие часы... Но ничего не менялось! В какой-то момент, обессиленная страхом и пульсирующей в висках болью, обмякла на пол. А потом заснула. Так и не дождавшись ничего. Не поняв.

Не знаю, сколько проспала, но проснувшись, не сразу сообразила – где я? Привстав с пола, на котором свернулась клубочком, обхватив себя руками и хвостом, в панике осмотрелась. Освещение было тем, что мне помнилось – не ярким и не тусклым, ровным. Крошечная кабинка, в противоположном конце которой имелись две ниши, в которые можно было едва втиснуться. Одна была отведена для туалета и утилизации любых отходов, во второй наличествовал сток и возможность тонкой струйкой пустить воду из отверстия в потолке.

Осмотрелась и вокруг. Гладкие поверхности стен, пола, потолка, неприметные стыки, размывающие ощущение границ. Серые. Справа обнаружила крышку какой-то секции. Неуверенно потянувшись к ней, открыла. В специальное углубление в толще стены мгновенно упал прозрачный брикет.

«Еда!» – мгновенно поняла я. И испытала облегчение, ощутив, насколько голодна. В створе крышки обнаружила скатанную тонким валиком плотную ткань. Видимо, подстилка?..

Покушав, расстелив на полу «матрасик», приготовилась ждать. Не может быть правдой, что меня здесь заточили на полтора года?.. Не может...

Спустя много дней, засыпая и просыпаясь, питаюсь по острой потребности и пялясь в серую стену напротив, не зная, что и думать, я наконец-то осознала: может! Просто никто не счел необходимым объяснить мне хоть что-то. Закинули сюда и забыли. Теперь я полностью зависела от исправности систем обеспечения корабля метхов – именно она, следуя какой-то системе, направляла мне еду и обеспечивала подачу воды. И вообще от самого факта существования корабля метхов... Случись с ним что-то, я обречена погибнуть в его нутре. И за это тоже надо благодарить капитана!

Впрочем, как знать. Возможно, участь, уготованная мне Гринодом, была еще страшнее. Здесь же... по крайней мере никто не способен меня достать.

Поначалу я больше всего боялась именно этого, насто-роженно ожидала металлического скрипа, возвещающего об открывании двери. Впервые я оказалась отделена от всех остальных толстой стеной. И радовалась этому, отчаянно надеясь, что чувство безопасности не иллюзия...

Но потом я поверила в него – дверь оставалась неподвижной. Страх начал понемногу спадать, сменяясь... непониманием. Меня сокрушило чувством растерянности, я никогда не оставалась одна так надолго. И тем более в месте, что едва ли не физически давило на меня, мучало, вызывало нена-

висть... заключение давалось мне с трудом, хотя, будь у меня выбор, тоже предпочла бы его.

Эти стены... мне казалось, я знаю их идеально, выучила и рассмотрела до малейшего пятнышка, каждый сантиметр, любой блик, каждую вмятинку. Спустя время я видела только их, что, закрыв глаза, что открыв... И во сне и наяву! Взгляд словно заволокло серой пеленой. Я перестала даже пытаться считать дни, отмеряя время. Я смирилась с существованием полуживотного – действуя скорее по воле инстинктов, вынуждавших питаться, мыться, спать... Стала почти механически совершать любые движения, заведя для себя «алгоритм жизни» – особую последовательность действий, что отмеряли мой «день». Стоило мне их завершить, как я падала на тюфячок и старалась заснуть – наступала моя ночь.

Наверное, я выспалась на целую вечность за эти полтора года...

Наверняка, я несколько раз прожила в своих воспоминаниях предыдущую жизнь за этот срок...

Неужели я свыклась и перестала ждать...

Брат так и не пришел за мной. И силы мои не сбалансировались. Я забыла все, даже страх перед метхами, верпанамми... Просто стало безразлично, казалось, что это серое пространство – вся моя жизнь, и она будет длиться вечно!..

Я засыпала и просыпалась сотни раз, давно перестав возвращаться мыслями к Кирену, размышлять о том, поступил

он мне во благо или во вред. Это перестало быть важным... когда-то.

И я не ждала никого... снаружи. Мой мир сузился до этого серого кубика. Силы замкнулись где-то глубоко в сознании, не выдержав давления одиночества и страха. Страх утратить и это...

Скрип, мгновенно всколыхнувший в памяти, казалось навеки забытый звук, раздался, когда я спала. И стоило мне осознать его смысл, как всегда неизменный свет потух...

«Срок наказания истек» – неживой механический голос, прозвучавший в темноте, стал первой фразой, услышанной мною за долгое время. В растерянности, потерявшись во внезапной и такой уже непривычной темноте, резко села. Хвост напряженно подрагивал на полу, готовый... Не знаю, возможно я инстинктивно готовилась отразить угрозу. Так отвыкла за время, проведенное в «заключении», от всего.

«Как быть сейчас?» – мелькнула нервная мысль. И забыла уже как прятаться от метха, избегать всего. Да и Кирен ли пришел за мной?

Он... Осознала это немного заторможено, когда скрипящая дверь полностью отворилась, обдав меня, сжавшуюся на полу, освежающей прохладой и ярким потоком света. С перепугу зажмурилась. Четырехрукая фигура хозяина темным резким силуэтом отражалась в проеме шлюзовой двери. Но выражение лица было скрыто тенью. Меня же ему было отлично видно.

Вдруг осознав это, опомнилась!

«Капюшон!» – подумала и рывком дернулась натягивать его.

Спала я всегда в балахоне, лишь изредка, просушивая его после стирки, заворачивалась в ткань, служившую мне постелью. За время, проведенное мною в одиночестве, изредка вместе с едой в специальный отсек в стене помещения вываливались и крошечные рулоны с одеждой. Так, сейчас на мне было третье по счету метхское женское одеяние. Но капюшон... Отвыкнув от чьего-либо общества, я перестала надевать его. Не подумала о нем и сейчас!

Как выгляжу, совершенно не представляла. И очень тревожила перспектива сразу вызвать раздражение Кирена. Он был непредсказуем. И, как я знала уже по собственному опыту, способен поступить со мной как угодно страшно. Почти не дыша, замерла на месте, ожидая грозного рычащего приказа.

– Вставай! – фразу метх... прошептал.

Я едва разобрала смысл. Поэтому испуганно подскочила – не хватало вызвать недовольство собственной нерасторопностью. Хвост незаметно прижался к ноге, выдавая мой страх.

– Иди за мной, – опять шепот!

Опасливо шагнув наружу, посеменила за хозяином. Куда ведет?.. К себе или... к другим?..

Но даже со скрытым капюшоном обзором быстро поняла – на корабле период суточного сна. Вероятно, поэтому, ни-

кого не встретив, мы, к моему облегчению, достигли входа на личную территорию капитана. Внутри... а я настороженно замерла на месте, едва дверь за спиной закрылась, отрезая меня от остальной команды, ничего не изменилось.

Кирен, более не обращая на меня внимания, прошел вперед. И не оглядываясь, сурово, уже в таком памятном мне тембре, припечатал приказом!

– Сейчас ты умрешь! – съезжившись, я приготовилась получить смертоносную рану. Мечами? Возможно, он просто отсечет мне голову за то, что посмела предстать перед ним без капюшона?.. Или... в чем еще моя вина? – Исчезни. Как хочешь скрывайся, но, чтобы ничто не напоминало о твоём существовании. Никому! Даже мне! Если где-то тебя замечу, вспомню о тебе – твоя смерть станет реальностью!

И ушел в направлении купальни. Я, действуя едва ли не на автомате, метнулась к памятной «норе», своему давнему укрытию. Тело трясло от паники. Как осуществить приказ? Как?! Я уже и так была неприметной тенью столько времени, а теперь и того больше – мне приказали жить здесь, но так, чтобы для всех не существовать вовсе? Даже для него... Но как это возможно?!

Руками обхватив себя за плечи, пыталась сдержать дрожь, боясь, что даже она выдаст факт моего присутствия. И тогда все...

Трое космических суток провела, практически не шевелясь, дыша тихо-тихо, прислушиваясь ко всему. За время в

«камере» привыкла подолгу сидеть неподвижно. За это время несколько раз слышала Гринода, чье появление каждый раз пугало до смерти. Вот уж кто с удовольствием вскроет факт моего присутствия и напомнит о нем Кирену!

Но сейчас решила вылезти – чувство голода и прочие потребности притупили страх и гнали наружу. А капитан ушел довольно давно. Это позволяло мне надеяться, что он не вернется прямо сейчас. Но и опасаться обратного: что я теряю время напрасно!..

Не издав ни звука, затаив дыхание, выбралась из своего укрытия. Голова кружилась от голода, волнения и усталости.

«Смогу ли я теперь добывать себе пищу?..» – опасения были не напрасными. Раньше мне перепало еды от Кирена. Но сейчас? Найду ли я хотя бы объедки?.. К неопишуемой радости, совсем нехарактерно для принципиально аккуратного хозяина, обнаружила в его спальне еду! С трудом сдерживаясь от того, чтобы начать запихивать ее в рот – а это грозило мне вероятностью быть застигнутой им на месте, набрала себе пищи. Причем, панически опасаясь выдать факт своего присутствия, не решилась коснуться не вскрытых брикетов с метхской пищей. Довольствовалась тем, что, стараясь, чтобы это не было заметно со стороны, поотщипывала понемногу от всего вскрытого. С небольшим запасом... И воды для себя набрала про запас. Кто знает, сколько времени я проведу, прячась, до следующей вылазки?..

Едва с колоссальным ощущением облегчения вернулась

в свое убежище и принялась за еду, как корабль ощутимо встряхнуло. Раздались характерные хлопки и гул: корабль был атакован!

Напряженно вслушиваясь в ощущаемую вибрацию стен корабля, вспомнила день гибели родителей. Тогда все началось так же... Неужели опять жуткий плен, муки... И погибнет ли Кирен? А значит, я сразу утрачу даже эту его мизерную поддержку. Бой ведь уже идет. Возможно и он, и прочие метхи уже обездвижены, а раса жуков как раз расползается по их кораблю, утаскивая к себе безвольных жертв.

Еды уже не хотелось: стало страшно. Это верпаны! Неожиданно поняла, что... чувствую их. Такого со мной ранее не было. Но сейчас, словно мысленно ощущала присутствие монстров. Их было пятеро. Всего пятеро! Но справятся ли метхи?.. Я толком не знала, насколько они подвержены воздействию этой расы жуков. А вот моя увеличившаяся способность воспринимать окружающее волновым полем, позволяла их чувствовать.

И не только!

На волне подспудного отторжения осознала, что могу «отталкивать» их, мешая приближаться. И даже больше – заставить замереть на месте неподвижно. Ликуя в душе, полностью сосредоточилась на этом ощущении «удержания». Надеюсь, что метхи не растеряются и используют свой шанс. Всего пятеро верпанов!

Отдав все силы, продержалась, сколько смогла. И когда

устало осела, прислонившись к стене, осознала что все стихло – бой прекратился! И верпанов я больше не чувствовала... Их уничтожили?! Я надеялась...

Прошло еще с полчаса, когда я услышала как двери на жилую территорию капитана раскрылись.

– Необходимо решать, кто заменит Кирена! – Гринод!

Метх был возбужден и, судя по тону, сильно нервничал. Его раздражающе высокий голос сегодня показался мне особенно неприятным. Затаив дыхание, сжавшись в своей норе, ловила малейший звук, надеясь прояснить для себя ситуацию. Неужели страхи о гибели хозяина оправдались?..

– Как только он покинет нас совсем, определим сильнейшего, – возразил ему кто-то.

Я услышала, как что-то грузное и большое не очень деликатно положили на пол в спальне. Тело Кирена?

– Но я должен знать заранее! – не унимался Гринод. – Капитан этого корабля предназначен мне в напарники! Я предлагаю остановить выбор на Лорге. Он достойнейший!

– Кирен еще дышит. – Веско заметил один из воинов. Голос его звучал убежденно. – Если Лорге выиграт поединки, он станет капитаном. Уходим. Дадим Кирену сутки. Этого времени достаточно, чтобы стало понятно: мы найдем его либо мертвым, либо он очнется.

И метхи, шумно топая, вышли. Недовольное брюзжание Гринода было последним, что донеслось до меня из-за закрывающейся двери.

«Хозяин ранен!» – осознала я очевидное. И если он умрет... такие как Гринод получают надо мной абсолютную власть. Тем более, что я уже достигла репродуктивного возраста. Первым порывом стало намерение скорее метнуться к капитану. Ему нужна помощь, уход! У этих четырехруких варваров не была принята хоть какая-то лечебная помощь. По их представлениям, организм должен или победить сам и выдержать болезнь или последствия ранения, восстановившись, или... не победить. Поэтому раненых всегда оставляли в одиночестве. Чтобы те могли вволю «определиться» с выбором. Вот как Кирен сейчас...

Но!

Он мне запретил попадаться ему на глаза, хоть как-то напоминать о себе. Как же быть?.. Если помогу – потом мне же хуже будет. Если не помогу – тоже ждать хорошего не приходится.

Выбор невелик, но сердце не позволило бросить метха без помощи. Он, пусть и не намеренно, но тоже в чем-то действовал мне во благо. Пусть и своеобразно и грубо... Да и арианцы мыслили иначе, в отличие от этих варваров. Не брошу!

Крадучись выбралась из своего укрытия и, напряженно прислушиваясь, направилась к спальне Кирена. Да... Он реально был при смерти. Чтобы понять это, достаточно было одного взгляда: жизнь метха отсчитывала последние часы, если не минуты... Тело меднокожего гиганта было окровав-

лено, грудь и живот разворочены – явное следствие прямого удара когтистой лапы верпана, одна нога странно искривлена в двух местах, а плечо ближайшей ко мне руки оплавлено лазером по самый локоть. Запах «горелой» плоти витал вокруг, как и смрад кровавой слизи, пропитавшей одежду.

Опасалась его гнева я напрасно. Он не способен был сейчас заметить хоть что-то рядом с собой. И осознать.

Опомнившись, рухнула на колени рядом с мужским телом, осторожно стягивая с него грязную одежду, освобождая раны. Попытаюсь помочь, хотя получится ли? Опыта в подобном не было, но способности моей расы в силу возраста развились достаточно. Я должна хотя бы смыть запекшуюся кровь, соединить разделенные ткани и попытаться собственным воздействием стимулировать регенерацию. Вот только выдержит ли метх? Избавить его от инфекции я была не способна. Для этого необходимо было специальное арианское волновое лечебное воздействие. Использовать его возможности не было. Поэтому...

«...делаю, что могу!»

Сколько провозилась – не представляю. Спина занемела от неудобной скрюченной позы, руки устали носить емкости с грязной водой в купальню. Но, потратив почти всю ночь, я смогла «собрать» тело Кирена в то состояние, в котором готова была повлиять на процесс сращивания тканей.

Сначала кости... Испарина покрыла лоб, пока я мучительно и натужно сосредотачивалась на импульсах, стимулирую-

щих жизненные процессы, ускоряющих их. Зажмурившись, долго просидела с этим. В какой-то момент, усталым жестом смахивая испарину со лба, откинула назад капюшон – он мешал обзору.

Потом мягкие ткани. В первую очередь живот и грудь. Перенапряглась я ужасно. Единственное, что поддерживало моральный дух и надежду – это словно притягивающиеся друг к другу соединенные мною части тела метха и... его отрывистое дыхание.

Неожиданно, когда я уже туго спеленывала эластичной тканью мужское тело, собственное плечо опалило болью. С трудом сдержавшись от крика (а быть обнаруженной мне совсем не хотелось!), подняла взгляд к лицу метха. И... это одна из его рук стиснула мое плечо, удерживая на месте. А глаза Кирена были приоткрыты, и немного мутным от боли взглядом он впился в мое лицо!

Все...

В ужасе, всем телом дернувшись в сторону, попыталась высвободить плечо. Но даже будучи раненым, хватка Кирена превосходила мои возможности. Его пальцы сжались, заставив меня зашипеть от боли.

– Ты меня уничтожишь... – я едва разобрала смысл в его хрипе, и тут же судорожно затрясла головой. Он решил, что я его добить пробралась? Или я неверно расслышала, и убить он обещает меня? Как только поправится. Если поправится...

Волосы, практически собранные на затылке, от интенсивности движений рассыпались по плечам. На миг мне показалось, что взгляд метха скользнул туда же. Но тут же серый, немного плывущий взор вновь вернулся к моему лицу.

– Помоги... прошу, – эта его фраза прозвучала отчетливее, и смысл ее я уловила однозначно. Но поверить услышанному?..

Давление на мое плечо вновь усилилось и подтолкнуло меня снова кивнуть:

– Конечно...

Практически тут же метх обмяк и обессиленно прикрыл глаза. Уже не зная достоверно – находится он в сознании или нет, я трясущимися руками закончила перевязку и отстранилась. Спешно собрав все ошметки грязной одежды, вскочила на ноги и понеслась прятаться. И только отдышавшись в своем убежище, поняла: для метхов, и особенно Гринода, факт моего тут пребывания станет очевидным!

Отчаянные размышления на тему – что предпринять, ничего не дали. Я все больше нервничала, не зная точного времени появления других метхов. И этот страх заслонял для меня все. Но неожиданно слуха коснулся странный звук. Скрип? Стон? Скобление? Настороженно прижавшись к стене своего укрытия, вся обратилась в слух.

«Кирен!» – поняла, что странное поскрипывание издавал он. И тут же меня осенило. – «Ползет?..»

Первым порывом было броситься на помощь. Но быстро

осознала: раз может перемещаться – мог бы и позвать, если бы была необходимость. А я и так попалась ему на нарушении его же приказа. Поэтому затаилась возле выхода из своего убежища, подслушивая.

Полз он долго, хотя я в принципе не представляла, как он в своем состоянии может это делать. Но сломанная в двух местах нога позволяла ему опираться лишь на руки. А возможно он просто не мог встать?..

Добравшись до входной двери на свою территорию, метх, цепляясь за выступы в стене, принялся подниматься. Я рискнула выглянуть и увидела все своими глазами. Он, пошатываясь от слабости, стоял спиной ко мне, что-то меняя в настройке работы двери. И он был голым! В смысле, на нем не было ни единой из тканей, которыми я перевязывала его. Что он делает?.. Возможно это поведение – следствие начавшейся горячки?

Но даже моего мимолетного взгляда хватило, чтобы понять – метх был полностью сконцентрирован на том, что делал. Мышцы спины выдавали колоссальное напряжение, шея и вовсе распухла. Со стороны казалось, что даже держать голову прямо для него непосильная сложность. А дышал он при этом тяжело и словно натужно.

Дверь заняла Кирена ненадолго. Справившись, он, судя по звукам, тяжело осел на пол. И вовремя! Едва я выдохнула с облегчением, поймав себя на том, что не дышу, как установившуюся тишину разорвал резкий звук. Сигнал от двери!

Метхи пришли проверить капитана. Кирен как будто чувствовал их приближение...

– Я пока не готов принять кого-либо, – голос хозяина хоть и был тих, звучал отчетливо. Видимо он общался с командой дистанционно.

– Кирен! – вопль издал Гринод. И в нем было нескрываемое изумление, если не сказать больше – разочарование. – Ты... пришел в себя?

– Да. Не пришло еще время выбирать мне замену.

– Мы рады знать это, капитан! – кажется, кроме Гринода, снаружи были те, кто действительно испытал облегчение от этой новости.

– Впусти же нас! – напомнил о себе последний.

– Моя честь воина пострадает, если вы увидите меня в том жалком состоянии, в котором я нахожусь сейчас. Мне необходимо время восстановиться. Двигаемся запланированным курсом – домой. Не беспокойте меня несколько дней пустяками.

– Кирен, но это, несомненно, не касается меня, – снова этот ненавистный голос.

– Я должен быть рядом в это трудное время. Тебе будет легче от моего присутствия. Ты будешь не одинок!

Не знаю как метхов, но меня перекосило. Это трудно объяснить (помимо его очевидной жестокости в отношении меня!), и недостойно арианки, но я его... ненавидела. Вероятно, поэтому во всех его словах мне виделся какой-то под-

текст. И отчаянно не хотелось, чтобы он сейчас находился по эту сторону дверей. В его присутствии я буду лишена возможности помогать раненому.

– Мое состояние недостойно воина! Я все сказал, – и в этот раз голос Кирена прозвучал резко.

Сразу за его ответом последовал звук, возвестивший о разрыве сигнала, и до меня донесся шум упавшего тела и мучительный стон. Но даже теперь выскочить из своей норы я не решилась. Хотя метхов внутрь Кирен не пустил!

– Дейнари... – наверное, ждала его слабого шепота-призыва.

Однако прежде чем вынырнуть наружу, не забыла почти уже автоматическим движением поглубже надвинуть на лицо капюшон. Волосы я еще раньше – пока металась в поисках решения, расчесала пальцами и заплела в косу.

Кирен действительно рухнул возле входа. И это не удивительно... Не представляю зачем, но он избавился от всех тканей, что я использовала для фиксации регенерирующих ран и костей, и да – он ползком преодолел расстояние от своей спальни до двери. Кровавая дорожка на полу не оставляла в этом сомнений. И естественно, он страшным образом разбередил все полузалеченные мною повреждения! А сейчас, исчерпав непонятно где взявшиеся крохи сил, потеряв много крови на фоне огромной кровопотери накануне, он, естественно, полностью обессилел.

Я едва доставала метху до верхней пары рук. Это если бы

мы стояли рядом. И шансов дотащить этого гиганта назад у меня не было никаких... Мысленно вздохнув, понеслась за водой и свежей тканью. Придется помогать там, где он лежит.

Последующие несколько часов я вновь стягивала разошедшиеся края ран, смывала кровь, усиливала регенерацию тканей и бинтовала тело меднокожего. Он за все это время не издал ни звука, хотя по довольно ровному дыханию я понимала, что он в сознании. И ему наверняка больно... Приказав себе не думать об этом (а он сам стянул мою первую перевязь и пополз сюда!), переключилась на уборку пола. Предстояло не только затереть уже подсохшую кровь, но и утилизировать предыдущие окровавленные ткани. Именно за этим занятием меня и застиг его шепот:

– Не смог бы объяснить перевязку... – и метх натужно засипел.

Я, изумленная самим фактом того, что он решил мне что-то сказать или пояснить, замерла на месте. Но не оглянулась на все так и лежащего у входной двери мужчину. Как бы не посчитал мое любопытство... чрезмерным.

– ... если бы они пришли раньше, чем я изменил сигнал на двери, – голос звучал едва разборчиво.

Я все так же оторопело сидела на месте. Он хочет сказать, что почти свел на нет все сделанное мной накануне, и опять едва себя не уничтожил ради того, чтобы метхи не разузнали обо мне?.. В это мне было сложно поверить...

– Я думаю, это ты задержала верпанов, – спустя еще одну долгую паузу собрался на еще один ответ Кирен. – И я сейчас оплатил тебе за спасение моей команды и корабля.

Ох! Спас меня от Гринода, поскольку этого требовал их кодекс воинов! В это я могла поверить. И с облегчением принялась дальше оттирать его кровь с пола. Надеюсь, больше он вставать или перемещаться не будет. Даже его сверхмощных сил не хватит на такие рывки. На самом деле все худшее еще впереди.

Температура его тела повысилась довольно скоро. Чувствуя «огонь» на подсознательном уровне, а для арианцев он был сродни жизненно необходимой землянам влаге, осознала изменения в состоянии метха, находясь в купальне. Ощущая себя грязной, понадеявшись на сон-забытье хозяина, я проскользнула сюда, намереваясь спешно вымыться и переодеться. Тут и поняла, что у Кирена началась самая опасная стадия заживления тканей. И что он бредит!

– Отруби... – вновь и вновь бормотал он, мечась из стороны в сторону. – Отруби... отруби!..

Спешно domывшись, натянув одежду с неизменным капюшоном, набрала воды в уже используемую емкость, и поспешила к метху. Буду обтирать его тело, стараясь унять жар этого невидимого сражения за жизнь.

И потянулись долгие часы беспокойного ожидания, наполненные нескончаемым боем с жаром, снедающим меднокожего. Он же или стонал в беспамятстве, или бился

как безумный, словно пытаюсь поймать кого-то руками. Я с огромным трудом уворачивалась от такого количества стремительных конечностей. Но попасться ему «в лапы» было страшно. Почему-то я не сомневалась, что метх сейчас видит перед собой злейшего врага! То, с какой яростью и мукой он кричал:

– Отруби! Отруби их! Отруби сейчас. Пока не поздно, пока не погубили... – то, как при этом его бессознательно распахнутые глаза наполнялись гневом и стыдом, меня ужасало.

В такие мгновения приступов ярости я даже отползала в сторону от раненого, отчаянно боясь, что он, приняв меня за причину своего необъяснимого страха, успеет схватить. И тогда... как минимум разорвет на части!

Длилось это долго. Я, пользуясь периодами затишья, охлаждала его тело, укрывая пропитанными влагой покровами, и обдувая его из самодельного опахала. Он – каждый раз вновь пытаюсь схватить меня, и грозя оружием...

Но пришло время, когда, как показалось мне, случился перелом. Температура тела Кирена перестала держаться на таком высоком уровне, а сам он, измученный своей необъяснимой борьбой, затих надолго. Заснул. Едва не валясь с ног от усталости, решила в последний раз сменить укрывающую его ткань на более влажную, когда рот метха приоткрылся, и он отчетливо произнес:

– Меч! Мне нужен мой меч! Дай его...

Растерявшись, скосила глаза на лицо хозяина: он под стра-

хом смерти не позволил бы мне прикоснуться к их специфичному национальному оружию. К его личному оружию!

– Приказываю! – вопреки слабости его голос звучал яростно. Я, неуверенно качнувшись на месте, поднялась и побрела в спальню хозяина. Туда, где в неизменной нише находились его странные мечи. Ухватив один за ручку, осторожно потянула на себя.

«Тяжеленный» – я едва не обрушила его на пол.

А Кирен тренировался с четырьмя сразу... Дотавив оружие до метха, осторожно положила возле одной из его здоровых рук. Глаза меднокожего были открыты – он ждал моего возвращения. И его рука тут же сжалась на рукоятке. Меч, мгновенно, словно ожив и превратившись в пушинку, изящно мелькнул в ладони мужчины, полоснув воздух. Он одним взмахом расчертил им пространство рядом, заставив меня испуганно отшатнуться. И откуда силы?

– Сними капюшон!

Глава 5

Дейнари

Приказ шокировал. Такого поворота я не ожидала. Такой... неблагодарности и представить себе не могла. Конечно, на смену отношения к себе со стороны метха коренным образом не рассчитывала. Но насколько же надо быть бесчувственным, чтобы не оценить моих усилий.

Испуганно отпрыгнув от раненого, прижалась к стене. Настал час расплаты? Убьет меня? Он наверняка помнит о том, что я изначально нарушила его запрет. Вмешалась в ситуацию... Напомнила ему о собственном присутствии. А свой долг он теперь полагает оплаченным.

В душе я отчаянно не хотела умирать, звала брата, своих. Но вряд ли мне сейчас это могло помочь.

– Я приказал тебе снять капюшон! И подойти ближе! – Кирен явно злился, растрачивая остатки сил.

Ноги задрожали, отказываясь мне подчиняться, хвост испуганно заметался из стороны в сторону, выныривая из-под балахона и привлекая внимание метха к моим босым ногам. Это совсем не улучшило его настроения. Метнув вполне осознанный взгляд на мои ступни, мужчина помрачнел и вновь зарычал.

– Ты смеешь мне не подчиняться?

В его тоне я отчетливо распознала злость. Метх был в ярости. Не представляя, на что он способен в таком состоянии, вынудила себя сделать несколько крошечных шагов, преодолевая расстояние между нами. Стоило мне неловко склониться к мужчине, как он неожиданно резко перехватил мою руку. Сильно сжав ее, дернул вниз. Я мгновенно рухнула на колени рядом с ним. Меч угрожающе завис над моей головой.

Прежде чем я собралась с духом и откинула с головы капюшон, одна из четырех рук метха уже рванула его назад, открывая Кирену мое, наверняка до крайности перепуганное, лицо. И тут же еще одна его здоровая рука, ухватив меня за изрядно растрепавшуюся белоснежную косу, удержала на месте. Намотав волосы на ладонь, Кирен вынудил меня поднять голову вверх, оторвав взгляд от своих трясущихся от ужаса рук.

Встретив его взгляд, я забыла как дышать. Невозможно и вообразить, что сверкало в серых глазах метха. Смесь из гнева, бессилия и... голода. Последнее напугало особенно, вынудив шире распахнуть глаза. Кирен как замороженный уставился на мою косу, не замечая, что причиняет мне боль, оттягивая волосы на себя. Я же отчаянно старалась выдержать максимально возможную в данных обстоятельствах дистанцию, и упиралась всеми силами, противостоя его усилиям.

Как меч взмыл вверх, послушный руке владельца, я не

уследила.

Чирк! Стремительный росчерк металла и... я едва не кубарем отлетела назад. словно лопнула натянутая до предела струна, резко разомкнув нашу связь. Коса осталась в руках метха.

В шоке, до конца не осознавая случившегося, схватилась за голову, ощупывая ее, «вслушиваясь» в ощущение непривычной легкости. Мои волосы! Знак моего рода. Моя гордость... Я давно не думала о них, не заботилась как когда-то, но возможности лишиться их – не предполагала. Конечно, волосы предпочтительнее, чем голова, но... зачем?

Обретя равновесие и признав очевидное – Кирен отрубил мою косу, перевела взгляд на метха. Он, словно тоже с трудом осознавая собственный маневр, всматривался в переплетенные прядки, что сжимали его пальцы. Почувствовав мой взгляд, поднял глаза на меня.

– Они... отвлекали. Пока ты помогала – часто выскальзывали из-под капюшона. Это невыносимо... – забывшись на миг, забормотал меднокожий. Но тут же, резко мотнув головой, рявкнул. – Не смей смотреть на меня, проклятая! Скройся с глаз моих.

Судорожным рывком я дернула капюшон вверх, вновь скрываясь от мужского взгляда, и спешно, едва ли не на четвереньках, устремилась вон из спальни. Но какое-то чувство тяжелым камнем осело в душе. Обида? Боль? Отчаяние?.. Снова меня гнали, не признавая моего общества, не счи-

тая разумной. И это заставило прошептать вслух, впервые огрызнувшись:

– Он отомстит. Дарг придет за мной. Обязательно!

Уже скрывшись в своей норе, услышала рев метха.

– Никогда! Никто не заберет тебя. Не жди. Ты мое имущество. И им останешься на всю жизнь!

Сжавшись возле дальней стены, заткнула уши руками, не желая слышать эту жуткую правду. Ладони непривычно касались коротких неровных прядок. Мои волосы остались у Кирена. Из глаз потекли слезы, оплакивая мою очередную потерю. Мои волосы... моя гордость...

«Где же Дарг? Почему так долго не приходит за мной?» – верила ли я еще в избавление? Не знаю, но надежда еще жила...

Уход за Киреном измотал и обессилил меня. А возможно я была слишком потрясена его поступком, а собственные силы вычерпала до самого дна, помогая ему выжить. Чем сильнее я плакала, переживая свой позор, тем хуже чувствовала себя. В итоге, сжавшись комочком на полу в дальней части своего укрытия, когда-то служившего узким отсеком на уровне пола для каких-то вещей, ощутила жар.

Не такой, что истязал тело моего хозяина. Но не менее мучительный. Удушающий, обволакивающий, словно разрывающий изнутри. Кажется, я тоже заболела. В арианской версии процесса не страдало тело, а мучилась в агонии изначальная энергия, составлявшая суть наших душ. Будь я до-

ма, все решилось бы легко – прогулкой к ариан. Но здесь...

Не представляя, чем могу облегчить свое состояние, отчаянно дрожа от ощущения боли, глухо скулила в темноте своей норы. Я росла здоровым ребенком, никогда себя настолько не истощала, и раньше не болела.

Нащупав на груди кулон то я в шутку забрала у брата накануне того злополучного полета, где погибли родители, сжала его, хоть так силясь ощутить тепло родной планеты, семьи и силы. В забытьи звала Дарга, мысленно молила о помощи. В разрозненных воспоминаниях мелькал и нежно любимый друг детства.

Вот, словно лишившись рассудка, я переношусь в прошлое. Гуляю по Цезариону, бегаю по берегу огненной реки, зарываясь пальцами босых ног в неизменно теплый песок. Где-то рядом раздаются голоса близких. Смеется мама, а чем-то предупреждает отец, и брат, как обычно, довольно вскрикивает, забавляясь своим любимым занятием – покорением потоков огненных вихрей. Все так привычно, радужно и безопасно...

Совсем иначе я чувствую себя теперь. Состояние мое, кажется, очень тяжелым, и сколько времени я провожу в забытьи – не представляю. Боль ощущается бесконечной, погружая в океан целой вечности неизбежных мучений. И как не одолевает жажда, мне даже некому дать напиток. О Кирене я не думаю, вообще мало что осознавая, погружившись в странный транс.

Очнулась совершенно мокрой и слабой. Жажда мучительна, но единственное движение, на которое меня хватает – открыть глаза. Что заставило очнуться?

– Дейнари! – требовательный негромкий вскрик достиг моих ушей. Кирен!

Призыв хозяина... Но сейчас я не в состоянии отреагировать. Пусть и обязана. В отчаянной попытке дергаюсь к выходу из своей норы, но все, что получается – лишь слабое шевеление хвостом. Жизненные силы совершенно истощены.

– Дейнари! – мне кажется, что голос метха звучит ближе. Но об ответе я не могу и мечтать в бессилии.

– Ты жива, арианка? – этот вопрос донесся более отчетливо, кажется Кирен стоит возле входа в мое убежище. Впрочем, забраться в него он не сможет – не влезет. Слишком узок лаз отсека.

Отчаянно пытаюсь ответить, я смогла лишь разомкнуть потрескавшиеся губы. Сил нет вообще, лишь ощущение угасания. Тело, которое долго мучили и обделяли самым необходимым для жизни, достигло предела возможностей. И сейчас мне совсем не хочется за него бороться. Смерть стала желанным облегчением. Просто усну... навечно.

Тяжелые веки опустились, скрывая глаза, окутывающая темнота сама по себе напоминала небытие.

Моя душа вернется на Цезарион.

Хотя бы так...

Окружающий мир воспринимается сквозь пелену безразличия, я не способна сейчас отреагировать даже на угрозу физической расправы. Но как-то отстраненно отметила жуткий скрежет и шум. Вокруг все рушится? И пусть, меня ждут покой и тишина ариан. Ведь именно к нему возвращаются души арианцев.

– Дейнари? – кажется, меня ухватили за плечи и потянули куда-то.

Безразлично – нет ни страха, ни любопытства. Силы закончились совсем, сердце устало сжалось от страха, душа уже не в силах вместить в себя хоть какие-то чувства. Все омертвело. И с этим исчезли все ощущения жизни.

* * *

«Вода...» – первое, что я ощутила. Она лилась прямо на лицо.

Инстинктивно испугавшись, попыталась отвернуться. Но... Тело подчинялось плохо, а голову и вовсе что-то удерживало в одном положении.

– Приоткрой рот, – кто говорил, я не разобрала, но распознала в тоне... страх?

И мне отчаянно хотелось последовать совету. Не получалось – тело не слушалось, став чужим. Слабость была абсолютной, словно разъединив мой дух и физическое воплощение. Но пить хотелось нестерпимо... Я чувствовала, как вла-

га барабанит по поверхности губ, просясь внутрь. И сама желала такого исхода.

И тут... прикосновение. Чьи-то пальцы коснулись нижней губы, слегка оттягивая ее вниз. И вожденная жидкость по капле начала проникать в иссушенное горло. Больше я ни о чем не способна была думать, лишь сосредоточилась на этом ощущении... жизни? Напиться хотелось отчаянно, но сил на полноценные большие глотки не было. Приходилось довольствоваться лишь этим неспешным ручейком воды.

Но какое же облегчение принесла эта влага.

Бессильно обмякнув, не осознавая ничего вокруг, вслушивалась в собственное состояние. Пусть до нормы было еще далеко, но я начала оживать. Казалось, кровь и энергия вновь заструились по телу, возвращая ему чувствительность и тепло.

И боль...

Отчего-то мне было больно, тело пылало, словно опаленной коже было нестерпимо прикосновение воды. Что-то давило, стягивая и мешая дышать...

– Задыхаюсь... – сипло, с трудом подчинив намерению потрескавшиеся губы, вытолкнула из себя мольбу, одновременно судорожно дергая рукой в тщетной попытке ухватиться за грудь. Хотелось свободы, избавиться от всего связывающего, начать дышать!

Спасение пришло с неожиданной стороны: спеленавший меня, ставший влажным, балахон с треском разорвали на

груди. На один невыразимо долгий миг я ощутила невероятное облегчение, смогла глубоко вздохнуть полной грудью, слегка повернуть голову, подставляя губы под основной поток воды.

Но лишь на миг...

В следующее мгновение пришла боль и одновременно осознание и шок! Вода была ледяной. Именно ее колючие острые иглы жалили тело, даже сквозь давно намокшую и плотную облепившую тело ткань, оставляя ожоги боли. От потрясения попыталась инстинктивно дернуться, отклоняясь от потока, и открыла глаза.

Прямо надо мной замерло лицо метха. Устрашающее, изуродованное шрамами и жутким выражением диковатых глаз, лицо. Широко распахнутые глаза меднокожего со странным выражением испуга уставились на меня.

– Дейнари? – как-то неуверенно спросил он.

Но я могла думать лишь о том, что с каждой секундой конечно же все сильнее, хвост под влиянием стрессовых обстоятельств судорожно замолотил по полу купальни (а больше нигде было взяться потоку воды!).

– Лед-д-яная-я-я, – силясь откатиться в сторону, застонала я.

– Вода? – Кирен непонимающе нахмурился, а потом, явно сообразив, в чем причина моей суматохи, куда-то потянулся.

Вода исчезла. Испытав невыразимое облегчение, я обессиленно обмякла. И поняла, что лежу на коленях хозяина,

и две пары его рук удерживают меня на месте, не позволяя свалиться.

И холодно было все так же. Теперь вода не обдавала меня ледяным водопадом, но она окутала меня холодным коконом влажной одежды. Зубы застучали, меня затрясло от озноба. И это вопреки абсолютному бессилию.

– Холодно? – на сей раз в вопросе метха было неверие.

Конечно! У воинов было принято использовать лишь ледяную воду для омовения. Но я была арианкой, и выросла в огненно-жарком климате Цезариона. Купание в воде само по себе было вынужденной мерой, но в ледяной воде...

Смогла лишь судорожно дернуть подбородком, подтверждая его мысль. И тут же одна из рук мужчины потянулась вверх. И вода вернулась, но, к счастью, очень теплая.

Какое-то время я, зажмурившись, лежала без движения, просто вслушиваясь в то, как начинает отогреваться тело. Невообразимо приятное ощущение: краткий миг боли и... медленная волна расслабленности пробегает по мышцам. Полностью сосредоточившись на этом – столь редком в моей нынешней жизни – приятном ощущении, сонно обмякла.

Я определенно пришла в себя. И нечаянный контрастный душ сыграл в этом не последнюю роль. Что за пограничное состояние владело мною в последние дни? Я смутно помнила, как вынесла его. Лишь череда бессвязных эпизодов, образов и пугающих кошмаров припоминались мне.

Волосы... Кирен же отсек их. А его ранения... Судя по

всему, он справился?..

И помог мне: как получилось, что мы вдвоем в купальне? И я ощущаю себя... обновленной?! Как-то особенно ярко воспринимаю тактильные ощущения. Тепло окутывающего тело пара, шелковистые ручейки, что сбегают по шее к груди, широкие ладони мужчины, обхватившие меня. Вода приятно барабанит по коже, массируя отогревающееся тело. Особенно явственными ощущения были на груди. Живыми, непосредственными, бодрящими...

Кровь реагировала на них, разнося тепло по телу, прибавляя сил и энергии, заставляя мою небольшую грудь твердеть, а венчавшие ее соски сжиматься в крохотные вершинки. Ощущение было приятным, чудесным... Я невольно вздохнула глубже, все так же отчаянно не желая собраться с мыслями, разрывая свое волшебное уединение в недоступном другом мире моего воображения.

Вздох рядом стал зеркальным отражением моего, заставив всполошиться. Кирен! Грудь?! Но... как?

Вновь, испытав шок, раскрыла глаза. Взгляд метха не был устремлен на мое лицо. Он смотрел... куда-то ниже моего подбородка.

Меня словно холодом обдало. Я в некотором ступоре, боясь даже дыханием спровоцировать неминуемую кару, не могла отвести взгляда от ужасающего лица Кирена. Метх, словно выпав из реальности, невидящим взглядом смотрел на мою грудь! И тоже не дышал...

«Запрещено!» – билась в голове отчаянная мысль. – «У них запрещено смотреть на обнаженное женское тело. Для их расы это одно из самых омерзительных зрелищ».

А в данном случае грудь была моей, и мне меньше всего хотелось, чтобы ее разглядывал этот мужчина. Стыд, страх и паника смешались, образовав в душе взрывной коктейль. Я совершенно свыклась за годы у метхов не воспринимать себя как женщину, все еще оставаясь в душе ребенком. Ни зеркала, ни более взрослой женщины, способной дать совет, рядом не было. И их извечный балахон – полностью укрывающий тело, не наводил меня на мысли о собственном теле. Как повести себя в такой ситуации я не представляла.

И вот сейчас, так очевидно... Женская грудь, совершенно обнаженная под взглядом меднокожего. Вот сейчас он его отведет, переместив на мое лицо. А там... ярость, отвращение, презрение.

Отчаянно хотелось прикрыться. Но сил поднять руку не было. Тело замерло в истеричном напряжении, а хвост, выдав меня с головой, нервно заколотил по полу, поднимая дополнительные брызги.

Вода все так же барабанила по груди. Я не дышала, и Ки-рен, по ощущениям, замер, неосознанно сдавив ладонями мои плечи. Предчувствуя взрыв его гнева, зажмурилась. На этот раз волосами не отделаюсь. Хорошо бы замуровал опять надолго...

Звук сигнала от входной двери прозвучал резко и нежи-

данно. Мы с метхом синхронно вздрогнули. Я даже вскрикнула, не сдержавшись, а Кирен резко, словно стараясь прийти в себя, мотнул головой. Затем потянулся одной рукой к панели управления. И все пространство помещения наполнил голос. Гринода!

– Кирен, готов ли ты предстать перед командой? Впусти меня.

Получается, метх еще не выходил из своей жилой зоны. Поправился ли он уже полностью? Долго ли я провела в том странном состоянии?

– Сегодня я смогу появиться перед командой, не уронив достоинства воина, – немного сдавленным тоном ответил Кирен. – Сейчас я моюсь.

– Впусти меня! – настаивал Гринод. – Я должен первым убедиться, что раны не изуродовали твоего тела.

Мои руки все же дернулись в неосознанной попытке укрыться. Но, лишь слегка приподнявшись, тут же опять безвольно упали на влажный пол.

– Не сейчас!

– Кирен, я помогу тебе быстрее прийти в себя, – уже почти умолял метх за дверями. – Не стоит демонстрировать команде такое неуважение ко мне! Это подорвет твой авторитет.

– Не сейчас! – уже раздраженно рявкнул мой хозяин, и звук голоса его собрата пропал.

Метх несколько секунд провел, нахмурившись, о чем-то размышляя. При этом смотрел он в стену напротив. Я, все

так же напряженно сжавшись, и отчаянно мечтая быть в другом месте, лежала на его коленях. И не отводила взгляда от лица мужчины.

Вдруг, словно решившись, одну руку он поднял вверх и довольно резко опустил ее поверх моей груди.

– Касался тебя, и руки не отвалились! Ты мое имущество, а значит, я имею право тебя вымыть! – сам себе забормotal он.

Меня подкинуло от подобной перспективы. Себе подобное и представить была не способна.

– Нет! – слабо зашипела я. До этого момента я не боялась! Только сейчас тело по-настоящему заколотило от страха. И отвращения. И ужаса...

Гринод! Я предпочла бы, чтобы он смог переубедить сейчас Кирена. Но он не смог. А мой хозяин выглядел странно – тело его было напряженным, движения, словно специально, замедленными, напоминая мне реки Цезариона, что замирают в иллюзии покоя, прежде чем взметнуться ввысь огненным языком всепоглощающего пламени.

Кирен пугал меня. Каким-то необъяснимым, подспудным страхом. Отчаянно хотелось спрятаться от мужского взгляда, скрыться от прикосновений его рук.

Но... сил не было.

Метх, поддерживая верхней парой рук на весу, переместил мое тело на пол, сам отстранившись немного в сторону. Я кожей спины мгновенно почувствовала влагу на полу ку-

пальни. Одна его рука устремилась к регулирующей панели и сверху снова посыпалась вода, барабаня по моему телу. Но не успела я ощутить дискомфорт, как тело склонившегося надо мной Кирена укрыло от потоков воды. На бесконечно долгий и одновременно жутко короткий миг мы встретились глазами.

Я постаралась взглядом передать свою мольбу-просьбу не трогать меня и дать уже умереть. Брат за мной так и не пришел, а значит, шансов выбраться из нынешнего ада – нет. Но надежда иссякла, стоило в ответном взоре увидеть грозную решительность и ярость. Метх привычно злился! Это была его естественная реакция на мое присутствие. Ожидать от него хорошего не приходилось.

Осознав этот факт, в отчаянии закрыла глаза, сдаваясь. Было и стыдно, и жутко и... безразлично. Здесь нет для меня благоприятного варианта. Что Гринод, что Кирен – в итоге от метхов я получу лишь одно. Боль!

Метх приблизился, я кожей чувствовала его дыхание, что медленно скользило от моего лица по шее и затем груди. Мужчина словно принюхивался, или не решался преодолеть последний сантиметр разделявшего нас пространства. Брежговал? Вероятно...

Следующее, что я почувствовала – его руки, довольно грубо сдернувшие с моих плеч края надорванного сверху балахона. Насквозь влажная материя поддавалась с трудом, и метх рывком рванул ее в стороны, раздирая.

Мое безвольное тело качнуло в сторону, на миг вытолкнувшись за пределы «укрытия» широких плеч Кирена. Вода, остро жаля, застучала по плечам, рукам, груди и впалому животу. Влажная ткань, что еще минуту назад была верхней частью моего облачения, сбилась тугим жгутом где-то на талии.

Меднокожий, не думая о том, что неровный пол царапает мне спину, потянул к себе. Ощущение падающей воды исчезло, дыхание Кирена – вернулось.

Значит, метх снова склонился ко мне. В подтверждение догадки я почувствовала на своем лице его дыхание. Возле губ... совсем рядом.

И тут же мужская ладонь накрыла мне рот. В испуге вздрогнув, инстинктивно распахнула глаза и дернула хвостом. Нос был свободен, но показалось, что хозяин сейчас задушит меня. Его лицо было совсем рядом. Жуткое, изуродованное шрамами и их статусными татуировками. Глаза, как показалось мне, пылали безумием. Дыхание оборвалось, грудь сдавило паникой. В какой уже раз. Но сил даже на шепот не было. Кирен же впился взглядом в мои глаза, с какой-то маниакальной сосредоточенностью всматриваясь в них. До последнего – пока я вновь в бессилии не сомкнула веки.

Тут же ладонь, что сжимала мой рот, скользнула ниже, тугим устрашающим обручем обхватив мою шею. Руки и хвост в вялой попытке защиты дрогнули, стремясь оттолк-

нуть угрозу. Но были мгновенно прижаты к полу тремя свободными руками метха, лишив меня в принципе возможности двигаться.

Ладонь, сжимавшая шею, расслабилась, чтобы двинуться ниже. К груди! А я, не помышляя о борьбе, со страху дышала через раз. Мышцы груди сводило спазмами боли и нервной дрожи. Поэтому осторожное, даже неуверенное прикосновение пальцев метха почувствовала особенно отчетливо. Ждала другого, опасалась худшего.

Стоило шершавой поверхности мужской ладони легко коснуться влажной и напряженной вершинки моей груди, как вздрогнули мы оба! И дернулись: он – в сторону, снова открывая меня барабанящему сверху дождю, я – вверх, невольно выгибаясь от пугающих ожиданий и чувства стыда.

Глава 6

Дейнари

Юной арианке, которой я покинула Цезарион, направляясь в полет, ставший для моих родителей последним, не приходило в голову задумываться о физической стороне отношений двоих. Тем более с точки зрения метхов! Последующие же испытания, вечный страх смерти, страдания, выпавшие за последующие годы на мою долю, и вовсе избавили меня от иллюзий, надежды на любовь и счастье.

Подсознательно я с самых первых угроз Гринода ждала, когда же наступит «мое время»: метхи используют меня так, как привыкли. Страх, пусть и снедал душу, но давно стал чем-то довлеющим и неотвратимым. Частью обыденности!

Мне были чужды любые мечты и надежды на счастливое освобождение в силу сложившейся ситуации, я понимала – участи всех пленниц метхов мне не избежать! И это было очень осознанное понимание, очень взрослое и до боли трезвомыслящее. Никогда специально об этом не размышляла (в плену вообще на что-то загадывать смысла нет!), но отдавала себе отчет, что предстоит пережить много страшного. И предел выносливости как-то притупился, я в каком-то смысле одичала, превратившись в зверушку, которой хозяин при-

вык распоряжаться, как пожелает.

Чего ждала от Кирена сейчас?

Боль, отвращение, абсолютное неприятие хоть каких-то моих интересов, угроза – все это было и раньше в моей, давно уже не детской, жизни. Ничего нового, что могло бы изменить мое отношение к метху, что спас мою жизнь ранее. Подарив несколько лет отсрочки, прежде чем уже самому окончательно искалечить ее, сломив в душе и превратив в бестолковую оболочку самой себя. Остывшее от отчаяния и боли тело, что неспособно было даже на мысленный протест.

Наверняка, так будет и со мной! И именно эта неотвратимая перспектива выжигала сейчас душу яростью. Сейчас, когда Кирен резко и ощутимо напряженно ощупывал мое тело. Ту его часть, что была обнажена его же руками. Сейчас в сознании пылал не только страх, но и гнев!

Я – из семьи правителя Цезариона!

Я – обречена никогда не узнать, что значит любить и быть любимой!

Я – по необъяснимому судьбой выбору лишена права почувствовать доброту и покой мира.

Я – никогда не узнаю счастья.

Почему?! За что?

Метх, на лице которого с каждым последующим прикосновением к моему телу все отчетливее проступало ожесточение, какими-то рваными и неловкими движениями трогал мою грудь. Странно, но осознавала я это как данность.

Оказывается, стараясь быть тенью, себя теряешь. Ощущения давно притупились, я свыклась с осознанием обделенности. Всем! Тело не реагировало на унижительные прикосновения. Или возможно, сознание уже воспринимало их как данность, не считая нужным чувствовать.

Разум словно спал, дистанцировавшись от тела.

«Пустая уже почти не нужная оболочка» – мне в самом деле все стало безразлично?!

К счастью – еще нет! Эмоции не исчезли. Отсюда и гнев, что поднимался в душе с каждым, все более недвусмысленным и целенаправленным прикосновением Кирена. Если поначалу метх двигался как-то неуверенно, изредка замирая на мгновения или наоборот – резко отдергивая от меня руку, то сейчас... Стоило меднокожему решиться (а мной затянувшаяся пауза, предшествовавшая касанию, воспринялась именно так!) и дотронуться напряженной от прохлады и паники груди, как его словно подменили. Движения метха стали жадными, напористыми и... стремительными. Казалось, что он никак не может осознать то, что осязают его ладони. Не верит своим чувствам! Глазам... Обе пары его рук, с мгновенной заминкой сменяя друг друга, стискивали женственные холмики моего тела, снова и снова сминая и ошупывая их.

Ничего нежного или ласкового в этих движениях не было! Впрочем, я не обманывалась – никому из воинов этой расы подобные качества не свойственны. Они привыкли к обла-

данию, получая и доказывая свое право силой. И Кирен не стал исключением.

Поначалу его руки двигались... неуверенно, даже осторожно. Словно он ждал, что сейчас пальцы охватит пламя или разъест неизвестным ядом.

Я в душе тоже ждала... чего-то. Возможно мгновения, когда очнусь и пойму, что элементарно брежу. Но одновременно осознавала – чувствовала – что происходящее как никогда реально. И нет у меня возможности изменить что-то...

– Нет... – получился скорее мучительный стон. Жалкий. Еле слышный. Такой же бессильный, как и я.

– Это не имеет значения для меня! – на миг замерев и немного отстранившись, зло прозвучал ответ метха. – Ты – мое имущество.

«Имущество...» – сейчас я именно этим себя и ощущала.

Одна пара рук меднокожего одним резким движением сдернула влажные остатки моего балахона с рук, стянув их к бедрам. Я чувствовала, как стекающая с плеч Кирена вода холодит мою кожу. И... все.

Поразительно, но сейчас все мое восприятие окружающего свелось к этой прохладе. Неожиданно другие ощущения исчезли. Ни своих, ни чужих эмоций. Отчаянная попытка вновь отправить сигнал своим ничего не дала. Опять же по причине отсутствия любых ощущений.

«Это ненормально» – раньше не думала об этом, уже перестала воспринимать себя арианкой. Да вообще кем-то ра-

зумным и живым. А сейчас... вдруг вспомнила о периоде становления сил. Об ариан... О нашей изначальной материи, что придает сил и определяет наши способности.

Эта болезнь и слабость? Со мной что-то было не так... Я слишком далека от «сердца» Цезариона. И ослаблена... лишена... обречена. На бессилие, странную ограниченность и... мужчину, что словно обезумел. Казалось, Кирен сам осознал происходящее, поверил в реальность своих ощущений, принял свои возможности.

Его руки, обхватив сразу за плечи и за талию, рывком приподняли меня, притискивая к своему телу. Наверное, я задохнулась от страха, ощутив так близко его тело? Не знаю... Глаз так и не открыла, ощущая лишь холод вокруг.

Метха же ощущения впечатлили – он резко с шипением выдохнул, все жестче и жестче сжимая «объятия». Его тело вжималось в мое, продавливая, практически сливаясь во что-то единое. Мне стало сложно дышать, слабость усилилась, грозя беспмятством. Но тут метх шевельнулся, с намеренным интересом потираясь своей каменной на ощупь грудью о мое тело. Слегка ослабил хватку, позволив мне безвольно скользнуть ниже, чтобы тут же стиснуть вновь.

И так снова и снова. Мне, отстраненно воспринимавшей происходящее, казалось, что он впал в исступление. Удерживая меня на весу, вновь и вновь, словно скрывая от Вселенной, прижимал к себе. Мужское тело обволакивало, укрывало собой, подавляя силой, мощью и... угрозой. Так близко к

Кирену я не была никогда. До этого даже не представляла, насколько он огромен! Силен!

Очередной рывок, удушающая близость и... нижняя пара рук метха, устремившаяся ниже. Туда, где тугим жгутом обвился вокруг бедер балахон, его влажные полы облепили ноги и хвост, лишая их возможности двигаться. Для Кирена влажная ткань не стала преградой. Одно неприметное усилие мужчины, и линия разрыва устремилась ниже. Неприглядной грудой ткань вместе с ручейками воды скатилась с моего тела.

Хвост отчаянно дернулся, ноги напряглись под влиянием чувства стыда, но вряд ли меднокожий хотя бы заметил мои отчаянные усилия. Я не успела еще осознать, что полностью лишилась укрывающего покрова, и чем это грозит, как оказалась перевернутой на живот. Повиснув лицом вниз, лежа поперек коленей метха, лишь вздрогнула, когда большая ладонь с ощутимым шлепком опустилась на мои ягодицы.

И снова пара мужских ладоней задвигалась по моему телу. Ощупывая и изучая. Плечи, спина, бедра, ноги... Особое внимание досталось хвосту. Я – измученная и ослабевшая, с толикой отстраненности вслушивалась в собственные ощущения. Отчаянно, с внутренним страхом стремилась предугадать дальнейшее.

Мне казалось, что когда ладони метха касались моих ягодиц и поглаживали поверхность хвоста – он был озадачен. Недоумение мужчины едва ли не ощущалось физически,

несколько охладив его злость. Переключив внимание на другое... На мое тело. На женское – явно не знакомое ему – тело!

Но мгновения растерянности быстро сменились целеустремленным интересом. Каким-то необъяснимым образом я поняла, почувствовала по ставшим более резким и жадным движениям, что Кирен на что-то решился. Готов идти дальше...

Вода исчезла – перестала падать колючим фейерверком сверху. Это стало сигналом – я вздрогнула. Но прежде чем дрожь утихла, поняла, что вновь лежу на влажном полу купальни. Но в этот раз на животе. Ощущение прохлады вернулось!..

Едва успела инстинктивно повернуть голову набок, опасаясь задохнуться, как сверху придавило жаром. Метх, плотно зажав меня между своим телом и полом, навалился на меня. Вероятно одна пара его рук все же опиралась о поверхность под нами, иначе я бы уже была раздавлена гигантским весом меднокожего. Но сейчас, когда паника заставила онеметь мое тело, это мало утешало.

И тут же его бедра задвигались в поисках более удобного положения. Я отчетливо ощущала поверхностью ягодич каждый его толчок, но... мой, в отчаянной неподвижности замерший хвост, явно мешал Кирену. Метх чуть отстранился, позволяя моей коже ощутить легкий ветерок циркулирующего в его жилой зоне воздуха, и обхватил мой хвост одной рукой. Я тут же инстинктивно сжалась, опасаясь его на-

мерений.

Но мужчина лишь медленно скользнул рукой ниже, словно оценивая его габариты и осознавая его неотъемлемую принадлежность моему телу.

«Возможно, это его остановит? Оттолкнет?!» – едва надежда мелькнула в душе, как обе пары рук метха совершили резкий маневр, перевернув меня!

На мгновение дыхание оборвалось, сердце замерло, и вот уже его туша вновь придавила меня сверху. Снова удушьющее тепло мужского тела, ощущение повсеместно касающихся меня мужских рук и его дыхания, что шевелило влажные волосы на лбу. Не контролируя себя, лишь отчаянно застонала и еще сильнее зажмурилась! Увидеть так близко жуткое лицо метха сейчас, ощущая себя совершенно расплавленной под ним, понимая, что не способна остановить его, я не могла. Боялась! Сумасшествия...

Кирен уверенно надавил чреслами на мои бедра, бескомпромиссно и интуитивно находя желанное положение. Он не дал мне и мгновения приготовиться, осознать. Мозг так парализовало страхом, тело онемело от долгого напряжения и бесчувственного бессилия, что я скорее догадывалась о происходящем, чем ощущала что-то.

Было плохо, тяжело, трудно дышать... Боль давно жила внутри меня и сказать, где конкретно был ее очаг, я была не способна. Лишь с какой-то безумной и фанатичной цепкостью, единственно и удерживающей меня в сознании, сосре-

доточилась на восприятии его дыхания. Оно единственное сейчас «говорило» мне о действиях Кирена. О движениях его тела...

Вот рваные порывы его вздохов касаются моего лба, и через миг – резким рывком устремляются к подбородку.

И снова – лоб.

А затем – подбородок...

И так до бесконечности, я сбилась со счета, всем существом отчаянно цепляясь за это единственное осознаваемое сейчас ощущение. Пусть оно несло мне страдания, но было признаком жизни. Казалось, мир вокруг темнеет с каждой секундой, и нестерпимо давит все сильнее, почти убивая, вытягивая крохи сил. Отчаянно не хотелось сдаваться! Покоряться этой обступающей тьме и холоду бесчувствия и удушья. В душе зрел яростный протест, неистовая злость на метха.

Но чтобы она смогла оформиться в нечто осознанное и неуправляемое, мне нужно было хоть какое-то ощущение. Пусть и его все убыстряющегося дыхания!

И снова – лоб.

А затем – подбородок...

И все резче выдох, поверхностней вдох. Дыхание все жарче. А тьма бессилия все ближе...

Последнее, что осознала – скрежет его зубов и тягучий свист, с которым вздохи начали вырываться из горла мужчины.

Глава 7

Дейнари

Но спасительного беспамятства не случилось. Внезапно... ошпарило, накатило, утопило в волне... эмоций! Словно сорвало преграду, и на меня хлынуло, накрывая с головой, волной чувств.

Дичайший восторг!

Головокружительное удовольствие!..

Меня затрясло от такого зашкаливающего переизбытка ощущений. С трудом осознала, что они – не мои. Не могли быть моими – это понимала. Но их всепоглощающая лавина, словно растворившая меня в себе, переполнила душу до краев... Не могла представить, что случилось, но неожиданно, странным прорывом во мне «проснулась» способность моей расы. Я «прочувствовала» эмоции Кирена. Ужасающе ярко и отчетливо. Так, что не сразу поняла их противоестественную чуждость. Это его трясло от восторга, его колотило от осознания собственного удовлетворения.

Его! Его эмоции!..

Меня вырвало. Резкие сухие спазмы, снова боль от удушья позывов и до предела сжимающихся мышц живота, конвульсивная и безуспешная попытка в последний момент

столкнуть с себя метха и... содержимое моего желудка оказалось снаружи.

Едва успела отвернуть голову влево. Но все равно, помимо собственного тела и поверхности под нами, испачкала плечо меднокожего. Отвратительное завершение мерзкого начинания. Отчего-то эта мысль принесла облегчение! Пусть я была бессильна физически, но даже на подсознательном, физиологическом уровне не смогла смириться с произошедшим. Вопреки всему!..

Глаз так и не открыла, бессильно обмякнув, и ощущая неимоверное изнурение. Окружающая мерзость – и Кирен в первую очередь, уже не трогали. «Кома» бесчувственности накрыла вновь.

Метх – я понимала это-то с каким-то опозданием – замер, немного отстранившись. Странно, но в памяти всплыл звук его меча, рассекающего воздух. Только в этот раз вместо волос рухнет моя голова... Ах, как мне этого желалось. В этом виделось спасение!

Одна из его рук скользнула вверх, и почти тут же на нас обрушился поток теплых колючих струй. Кирен резко сдвинулся в сторону, позволяя ручейкам воды окатить мое тело. Освежая, очищая, помогая... Я с трудом разлепила губы, жадно ловя живительные капли.

– Я ожидал, что подобное случится со мной, – очевидно, сам себе, с каким-то глубинным удивлением в голосе, вдруг произнес мужчина.

О да, метхи были не так воспитаны, чтобы позволить себе брезгливость. Мою реакцию Кирен воспринял очень спокойно. Как данность! Более того – его руки с деловитым спокойствием терли мое плечо, избавляя поверхность кожи от всяких следов... давно уже не пищи.

Душу переполнило глухой тоской!

«Он доволен. Заинтересован. И это значит одно – все повторится!»

Но что-то сейчас обдумывать я была не способна, сознание уплывало, погружаясь или в обессиленный сон, или в беспомыслие. И лишь каким-то отстраненным, скорее инстинктивным образом, я ощущала прикосновения рук метха.

– Ты не доверяешь мне! Не спешишь приблизить! – вздрогнув, осознала, что рядом кто-то кричит.

С трудом соображая, попыталась понять, где нахожусь. Узкое... помещение, словно коробка, чьи стены фактически соприкасались с моим телом. И мгновенная, вызвавшая облегчение, ассоциация-мысль: снова изолировали в капсуле наказания? Но второй, более внимательный взгляд утвердил во мнении, что это иное место. Какое-то... пустое и тесное.

– Кирен, я хочу быть рядом, скрашивая твою унылую жизнь.

Разговор на повышенных тонах продолжался, создавая у меня ощущение, что ругаются у меня над ухом. И пугая... Повернув голову, едва не уперлась подбородком в стену.

Крики доносились из-за нее.

«Кирен...» – имя отозвалось в голове глухим эхом, напоминая о... пережитом ужасе. Панике и страхе! – «Я стала женщиной... На Цезарионе был особый обряд, позволяющий восстановить потенциал собственной ауры, после ее надлома. Именно к этому приводил первый процесс слияния тел. Но я была лишена возможности обратиться к нашей протоэнергетической „матери“. А значит, буду слабеть!»

– Прекрати на меня давить! – Яростный рык и глухой удар в стену, ее вибрацию я почувствовала телом. – Мне сейчас есть чем заняться. Необходимо благополучно доставить добытое домой, удержать команду, организовать сбыт, получить доход! Надо спланировать следующий рейд, отобрать тех, кто отправится со мной. А самое главное – избежать на пути любых столкновений! Хватит с нас последних потерь. И если кто-то, не важно кто, намерен мешать мне, отвлекая и будоража команду, он за это поплатится!

– Кирен, со мной ты обретешь силы, появится поддержка и влияние. С моей помощью ты сможешь гарантированно попасть в ряды тех, кто будет участвовать в нападении на дальние колонии Цезариона! У меня есть нужные связи. Наше партнерство станет очень перспективным.

Поймав себя на том, что испуганно затаила дыхание, опомнилась. Очень не хотелось, чтобы метхи поняли: у их личного разговора есть свидетель! Желания попадаться на глаза любому из них не было совершенно. Прислушавшись к

себе, поняла, что слаба, но явно начинаю восстанавливаться. Появились силы на то, чтобы жить дальше. Вот только зачем мне теперь это? Жизнь хорошего не обещает.

Осторожно согнув руку в локте, медленно ее опустила на пол вдоль тела. Шуметь совсем не хотелось, это неминуемо привлечет внимание мужчин. В отличной слышимости я могла убедиться лично. Следующим пунктом было движение ног, потом хвостом.

– Я не планирую участвовать в рейде! – Голос метха звучал несколько натянуто, но гораздо спокойнее. – Всегда полагаюсь на собственное чутье, и туда я не полезу. Мои вылазки и так приносят отличную прибыль, за мной закрепилась слава удачливого капитана. Этого достаточно, я вполне обеспечен, и совсем скоро смогу осесть на одной из планет нашего расселения.

– Кирен, я не позволю тебе совершить эту ошибку! – Судя по голосу, Гринод взвился от негодования. – Колонии Цезариона очень богаты, там есть чем поживиться настоящему воину. Твое имя станет легендой, а благосостояние и авторитет возрастут! И мои связи – тому в помощь. Услышь же меня: нам надо именно сейчас объединиться!

– Противостоять арианцам сложно. Не стоит идти с ними на откровенный конфликт, – Кирен с трудом сдерживал негодование, собеседник явно его раздражал. – В моих планах ближайший рейд на перехват грузовых звездолетов тартов. Это гораздо перспективнее атаки на колонию Цезарио-

на. И планов своих менять не намерен!

Шумно выдохнув, резко закашляла – казалось необычно долгое молчание и потрясение от услышанного. Но шум по ту сторону отделявшей меня от метхов стены был, вероятно, так же хорошо слышан, поскольку разговор мужчин оборвался...

– Что это? – В первые мгновения после секундной паузы в голосе Гринода был отчетливый испуг, но он резко сменился гневом. – Там кто-то есть! Ты... не один?

Тонкая перегородка завибрировала, словно кто-то тряс ее в тщетной попытке сдвинуть. Я в ужасе сжалась, страшась встречи с... Как ни странно, но сейчас я больше всего опасалась встретить взгляд своего хозяина! Даже животный, инстинктивный страх от способного на любую подлость Гринода померк на фоне этого чувства.

– Смеешь в чем-то упрекать меня?! – Грозный рык Кирена и по хлипкой перегородке шарахнули гораздо сильнее. Скосив глаза, успела заметить, как на миг поверхность разделяющей нас стены прогнулась. – Убирайся!

Тишина по ту сторону стены стала потрясенной. Даже я изумленно вздрогнула: таким тоном на моей памяти мой хозяин никогда ни к кому не обращался!

– Ты говоришь это мне?! – Гринод очевидно тоже не верил собственным ушам. – Отказываешься показать, кто там скрыт?

– Да! Уходи. Я на пределе. Если останешься – рискуешь

пострадать.

– Смеешь угрожать мне? – Голос метха напоминал визг. – Ради кого?!

– Нет! – Усталый голос Кирена. – Клянусь честью воина. Мне необходимо побыть одному.

– Ты с момента ранения стал затворником! С командой общаешься только по необходимым делам, перестал проводить со всеми свободное время, – взвился метх. – Избегаешь, не доверяешь...

Я вновь вздрогнула: внутреннее ощущение давящего удущья усилилось. Голова заболела от нахлынувших эмоций, голову словно сжало невидимым обручем, причиняя реальную боль.

– Гринод! – У Кирена закончилось терпение.

Очевидно, в его последнем рыке этот факт уловил и гость, поскольку через некоторое время до меня донесся звук закрывающейся двери – он покинул жилую зону капитана. А значит... Судорожно вздохнув, я приготовилась к... встрече.

Перегородка в один миг отлетела в сторону, позволяя мне понять, что разделила она комнату метха, место, где он спал. Сам Кирен присел рядом, нависнув сверху, и лишь усиливая мой страх.

– Дейнари! – Требовательный окрик хозяина заставил сжаться сильнее. Одна рука метха коснулась моего подбородка, другая ухватила прядь волос. Я отчетливо ощущала его прикосновение, как и той руки, что спокойно легла на

мое бедро. Уверенно, с ощущением полного права. – Твое состояние улучшилось?

Смотреть на Кирена я не могла, оттого напряженно вглядывалась в стену напротив. Дыхание рваными вздохами вырывалось из груди. А после того, как освободив мои волосы, меднокожая ладонь переместилась на грудь, и вовсе оборвалось – грудь сдавило судорогой паники.

– Отвечай мне! – Грозно рявкнул метх, едва не оглушив.

– Д-да, – стуча зубами, вынужденно отозвалась я. А хвост нервно дернулся, стукнувшись о стену.

– Дейнари, не бойся, – уже более спокойно, слегка зажав вершинку одной груди между пальцами, предупредил мужчина. – Я не намерен обижать тебя. И делиться с кем-то тоже. Отныне этот угол станет твоим местом, уясни это! Запрещаю тебе прятаться в свою щель. Будешь делать все как обычно, плюс станешь... послушной во всем. И только посмей перечить! Будешь послушной, и тебе никто не навредит. Обещаю!

Судя по самодовольному выражению лица – а я, не сдержавшись, бросила на мужчину стремительный взгляд, он полагал, что озвучивает мне исключительно радужные перспективы. Во рту пересохло, а язык намертво прилип к небу. Ответить я была неспособна. Лишь обреченно зажмурилась!

Ладонь метха сместилась, подхватив грудь полностью. Еще одна рука недвусмысленно, на миг сжав бедро, двинулась выше. Третья – приподняла голову, стиснув подбороро-

док, вынуждая смотреть на него.

– Я дважды не предупреждаю! Ослушаешься – посажу на цепь.

В ужасе сглотнув, лишь нервно дернулась. Давление на сознание усилилось, возросла и головная боль. Тем более, я прекрасно ощущала руки мужчины, совершенно бесстыдно касающиеся моего тела. Из глаз потекли слезы...

– Ладно, – с видимым сожалением отстранился метх, освобождая мое лицо. – Сегодня еще можешь отдохнуть. Я потерплю до завтра. Очевидно, что ты сильно ослабла.

Глава 8

Дейнари

После слов метха заснуть я была не способна. Кирен отстранился и медленно отступил. При этом хлипкую перегородку, ранее отгораживавшую меня от его спальни, не задвинул. Прикрыв веки, я осторожно наблюдала за мужчиной, испытывая жуткий дискомфорт от невозможности избежать его общества. Но о возможности укрыться в своей норе мне теперь нечего думать. Душу переполняла грусть: к ставшей уже привычной тоске по близким прибавилось ощущение обреченности. Дышалось уже легче, но странная слабость еще давала о себе знать.

Привычно обнаженный по пояс, облаченный лишь в типично метхские укороченные штаны из грубой ткани, Кирен уселся посреди комнаты. Я знала, что он намерен делать, не раз украдкой наблюдала эту картину. Мой хозяин, отрешившись от всего, медитировал, концентрируясь и успокаиваясь. Подобная практика была типичным досугом этой расы воинов. И Кирен, проведя несколько часов за этим безмолвным процессом, брался за мечи, оттачивая мастерство воителя. Он подолгу стоял в немислимых стойках, удерживая оружие на весу, приучал свое тело к терпеливому ожиданию

возможности нанести единственно смертельный удар.

Для меня, как представительницы арианской цивилизации, сама мысль о подобном оружии как о грозной угрозе была нелепа. Но за время, проведенное в плену у метхов, мнение изменилось. Их мечи были особенными. Я, обладая возможностью ощущать излучаемую любимыми телами энергию, чувствовала, что они наполнены ею. В сочетании с особым сплавом, тайну которого их раса истово хранила, это оружие становилось смертоносным. Метхские мечи легко разрубали не только скорлупу верпанов, но и... обшивку многих звездолетов.

Изначально меня удивляло отношение Кирена к своему оружию. Он словно... боготворил его. Но, наблюдая за тем, как мой хозяин вновь и вновь возвращается живым (или почти живым!) из опаснейших рейдов, поняла причину такого отношения. По сути, метхские мечи были единственным незыблемым имуществом любого воина. И гарантом его жизни!

– Дейнари? – Неожиданно поток мыслей, в которых я искала забвения от гнетущей тоски, был прерван вопросом меднокожего. – От чего зависит цвет ваших глаз?

От удивления, осознав, что вопрос прозвучал вслух, я распахнула глаза, уставившись на метха. Он сидел ко мне боком, и, казалось, совершенно не обращал внимания.

– Ц-цвет глаз? – Растерянно, глухим шепотом переспросила я, не совсем понимая, о чем он.

– Да! За время, с начала моей тренировки, твои глаза дважды изменили цвет. И еще до этого... – четко пояснил Кирен. – Раньше такого не замечал.

Невольно вспыхнула, ощутив жар на щеках. А хвост нервно дрогнул. Смена цвета глаз приходила с приближением взросления. Отгородиться от метха захотелось еще сильнее, но... кто же даст.

– У нас эта черта появляется со временем, – все так же шепотом ответила я, уставившись взглядом в стену напротив. Говорить с Киреном было для меня огромным испытанием. Последнее воспоминание, связанное с ним, неизмеримо пугало. А отсутствие одежды на теле ощущалось чем-то невыносимым. И теперь еще глаза...

– Что означает, к примеру, синий? – Прозвучал следующий вопрос мужчины.

А я лишь расстроено вздохнула. Лишившись себе подобного окружения ребенком, я не знала многих элементарных вещей о своей расе. А синий взгляд... я лишь однажды помнила такой у отца. Но возможности расспросить об этом уже не представилось.

– Не знаю...

Метх, вопреки моим ожиданиям, гневно не воспротивился такому ответу. Он все так же неподвижно сидел, удерживая в вытянутых руках замершие лезвия. И молчал... довольно долго.

– Ты все еще надеешься вернуться к своим? – Этого во-

проса от Кирена я не ожидала совершенно.

– Да... – подспудная надежда вырвалась испуганным ответом. А кулон брата, неизменно висевший на шее, немного потеплел. Или мне хотелось думать так.

– Напрасно! – Все четыре меча одновременным, неуловимым движением взмыли вверх, невидимой молнией рассекая воздух. – Ты не покинешь этого места. Никогда!

Мне казалось, что я уже сама давно так считаю. Но неожиданно в душе ощутила волну протеста. Не может он оказаться прав!

– Покину... – шепнула одними губами, но метх услышал! И замер, в немыслимо стремительном маневре застыв посреди помещения. Кирен молчал, поэтому я решила продолжить, убеждая скорее себя. – Дарг за мной придет. Он обязательно заберет меня отсюда.

Нельзя жить без надежды. Она – основа жизни.

Голову на миг сжало тисками пульсирующей в висках боли. Все поплыло перед глазами, на секунду словно утратив четкие очертания. В следующее мгновение я почувствовала прикосновение холодного металла к телу. Один из клинков уже стоявшего рядом метха скользил по коже, не рая, но обжигая ощущением реальной угрозы.

В ужасе сжавшись, зажмурилась и перестала дышать, ожидая неминуемой боли. Клинок, едва касаясь, и лишь поэтому не рая, двинулся вдоль ключицы, и одновременно прозвучал бесстрастный голос моего хозяина:

– Ты принадлежишь мне. Смирись! У тебя есть лишь одна альтернатива: могу решить убить тебя. Но даже это сделаю я!

Возразить я не посмела.

Клинок плашмя касался полушария груди, описывая устрашающие дуги и словно лаская. Такая жутковатая метхская нежность, проявление внимания и интереса. Ласка, облаченная в форму смертельной угрозы. Страсть в виде властной жестокости. Удовольствие в качестве предвестника смерти. В этом был весь Кирен! Он сам воспринимал боль и страдание иначе: как обыденность, как плату за жизнь. Метх не признавал чувств, душевной близости и... мягкости. Он не знал их, не понимал.

Судорожно дрогнув, испуганно выдохнула – больше не могла сдерживать дыхание. Холод металла отступил, преследуемый жаркой волной онемения и испуга, что растеклась в груди. Но сделав глоток необходимого воздуха, осознала, что металл скользнул ниже, оставляя «огненный» след между полушариями груди, устремился к животу. Несколько стремительных кругов, мышцы моего напряженно замершего пресса – я вновь не дышала.

«Нет, нет, нет...» – в отчаянном бессилии мысленно молила я.

Кожа превратилась в чувствительнейшую поверхность. Органы чувств, все мое восприятие окружающего мира в эти мгновения сосредоточились на участках, где она соприкасалась с оружием. Инстинкты взбесились, подстрекаемые

угрозой. Каждый миг я ожидала пореза, а возможно и глубоко проникающего удара, гарантированно проткнувшего бы меня.

«В руках такого мастера клинок способен на все» – сама еще не понимала, насколько верна была промелькнувшая мысль.

Поверхность живота трепетала – это Кирен умело направлял процесс моего дыхания. Чувственно медленный и убийственно опасный круг очерчивал клинок, я, задохнувшись, не шевелилась, замирала, не дыша. Пока не ощущала легкий и невероятно опасный шлепок – меч плашмя ударял мой живот. И тут же испуг прорывался судорожным инстинктивным вдохом.

И так снова и снова...

Казалось, я уже не смогу дышать иначе.

Когда весь жизненный ритм моего существования сосредоточился на этой угрожающей цикличности, когда я начала ощущать холод металла еще до его прикосновения, клинок отступил... Вновь скользнул ниже.

«Только не так...» – в беспомощности страха и невыразимых эмоций, переполнявших душу, я потрясенно осознала дальнейшее. Хотелось... это не объяснить... убежать, любой ценой прекратить эту жуткую пытку и одновременно... умолять не останавливаться.

Клинок замер на бедре. Немного приласкав, погладил поверхность моего тела, плашмя скользнув по коже. И тут же

уколот острием лезвия, вызывая невыразимо острый чувствительный отклик. По моим ногам, вынуждая их напряженно подогнуться, прокатилась волна жаркой дрожи.

А клинок уже расписывал мои бедра загадочными и смертоносными узорами. Будь его напор чуть сильнее – самую толику, и эти узоры стали бы вечными, оставив шрамы. Раны, нанесенные клинками этой расы воинов, легко заживали лишь у них...

«О, силы!» – шептала я про себя, судорожно сжимая веки и пальцы рук. Хвост отчаянно подрагивал, выдавая мое невообразимое напряжение. Тело замирало от страха, мышцы от такой длительной нагрузки сводило судорогой, но одновременно... мне невыразимо хотелось узнать, смогу ли я выдержать «внимание» воина. Смогу ли понять... что за сумбур эмоций ощущаю.

С усилием сжимая согнутые в коленях ноги, осознала, что меч опять отступил. Исчезло ощущение его прохладного и опасного жара.

– Открой глаза! – Это был приказ и ничто иное. Ослушаться у меня права не было. Если я хотела жить. А я хотела... вопреки всему.

С обреченным вдохом распахнула веки, чтобы тут же задохнуться в страхе. Кирен стоял надо мной, занеся меч для удара. Стоило нашим глазам встретиться, как две его руки, державшие клинок, дрогнули. И оружие устремилось к моему телу. Не так незримо стремительно как во время его тре-

нировок, но все же пугающе быстро для меня. Оставляя доли секунды на реакцию!

Инстинктивно распознав направление удара, я отчаянно попыталась его избежать. Ноги в неосознанном движении раздвинулись за миг до того, как пространство между ними рассек металл. Острие меча уперлось в основание, на котором я лежала... Внутренней стороной бедер я ощущала жалкий холод оружия. И одновременно дрожала всем телом, понимая, что случилось бы, не успей я отреагировать. Лоб покрыла мгновенная испарина.

Наши взгляды встретились в наступившем внезапно миге неподвижности. Глаза метха были непроницаемы, чем полыхал мой – не представляла. Сама не в состоянии была понять всей массы противоречивых эмоций, переполнявших душу. Тело дрожало от страха и... предвкушения?..

Легкое движение мужской ладони, и лезвие клинка ударило одну мою ногу, затем вторую, давая четкий сигнал – сдвинуться дальше. Пугая меня пониманием намерений метха.

– Мечи – это часть меня. Тебе придется научиться воспринимать их так, принимая как неотъемлемую часть любых взаимоотношений со мной. Довериться им как себе! Ты принадлежишь мне, и я желаю этого, – счел необходимым пояснить мне свою цель метха.

Если я до этого мига считала себя напуганной – я заблуждалась. Если раньше мне казалось, что я замирала от страха – это было лишь подготовкой к случившемуся.

Меч Кирена едва уловимо шевельнулся, двинувшись ближе ко мне. Не представляю, как я это осознала. Возможно, уже научилась осязать легчайшие потоки воздуха. Впрочем, сейчас мне казалось, что замер и он. Как застыла в жилах кровь, как оборвалось в груди дыхание...

Я практически не ощущала собственных конечностей, онемев от ужаса. Холод металла приблизился вплотную к моему телу: я ощущала его внутренней поверхностью бедер. И не только...

Кончик клинка застыл в миллиметре от моей плоти, замерев возле моего лона. Истоиво сжав веки, я приготовилась к страшному истязанию. Возможно, метхи просто изначально садисты?

– Каждый воин получает свои мечи при рождении, – словно осознавая мои мысли, продолжил бесстрастно объяснять мой хозяин. Его голос в окружавшей мертвой тишине звучал странно звонко. – Мы взрослеем с ними, проживаем жизнь. И умираем вместе. Мечи – единственное настоящее имущество воина, нечто сокровенное, принадлежащее только ему. Они – цена нашей жизни. Их утраты мы не переживем. Слушайся их, подчиняйся как мне, доверяй абсолютно! Я ощущаю каждый свой меч как часть себя. Чувствую ими, вижу, осязаю...

Сердце колотилось словно безумное, но даже дыханию не позволяла всколыхнуть тело. Всем существом, всеми осязательными возможностями сосредоточилась на месте, где со-

прикоснулись мое тело и клинок метха.

– С рождения нас закаляют, учат убивать, быть холодными и крепкими как металл, но смертоносными и стремительными как острое клинка... В этих мечах душа воина, они – наша суть, – я с трудом осознавала смысл его слов, воспринимая их скорее сознанием, подспудно давно заподозрив эту истину. Я «вслушивалась» в движение лезвия. – Отныне они – часть твоей жизни! Научись принимать их!

Привнося ощущение ледяного проникновения, клинок скользнул в меня. Всего лишь на крошечное расстояние проникнув глубже, фантастически чутко и пластично скользнув между неожиданно повлажневшими складками плоти. Не рана... но неумолимо и настойчиво демонстрируя свое присутствие.

Медленно выдохнув, не представляла чему верить. Собственному разуму, что убеждал в невозможности избежать ран и боли, и собственным ощущениям, что поражали неожиданным... трепетом.

На самой грани... Грани между жаром и холодом, между угрозой и лаской, между болью и удовольствием. Я не могла бы достоверно объяснить, что чувствую сейчас! Одновременно ужас и восторг. Страх и ликование. Отчаяние и предвкушение...

– Дейнари, – голос Кирена дрогнул. – Такой – абсолютно покорной моему клинку – ты волнуешь меня нестерпимо. Я знаю, у вас все иначе. Думал об этом сейчас. Но мне безраз-

лично. Ты научишься быть тем, что необходимо мне. Для тебя это возможность жизни. Ее цена.

Метх замолчал, позволив мне додумать дальнейшее. Мой хозяин решил обзавестись еще одним жизненно необходимым ему атрибутом. Ножнами...

Лезвие уверенно и медленно скользнуло наружу, позволяя мне вздохнуть полной грудью. Ноги обессиленно упали на пол, хвост дрожал от напряжения. Я вдруг осознала, что тело стало влажным от проступившей испарины. Приоткрыв веки, увидела, что Кирен отступил назад. Какое-то время метх с довольным интересом рассматривал клинок. И его взгляд... он шокировал меня.

Там было все: любовь, восторг, страсть, обожание... Удивительно, что я оказалась способна распознать эти эмоции.

На меня хозяин внимания больше не обращал. Двумя стремительными движениями завершив разминку, с невероятной осторожностью поместил клинки на отведенное для них место и улегся в свой гамак. Пришло время отдыха.

Меня же внезапно затрясло. Это запоздало и закономерно сознание накрыло пониманием случившегося. Отчаянно сжимая зубы, я старалась сдерживать дрожь. Меньше всего мне хотелось привлечь внимание метха, разгневать его.

Но усилия оказались напрасными.

– Ты мерзнешь? – его вопрос прозвучал в тишине помещения резко и угрожающе. Температура внутренних помещений корабля не была комфортной для меня – жителями-

цы жаркого климата Цезариона, но за годы жизни у метхов я привыкла. Воины же словно осознанно приучали тело к ощутимой прохладе.

– Н-нет, – с трудом выдавила из себя.

Прохлада меня на самом деле не беспокоила. Скорее уж холод. Внутренний, ледящий душу отчаянием и одиночеством. Как же мне нужен Дарг. Как долго я выдержу эту безжалостную и суровую «страстность» метха?

Кирен резко вскочил на ноги, заставив меня вздрогнуть уже от страха. Мой хозяин подошел вплотную и... улегся на пол рядом. Обхватив меня за плечи, резко развернул на бок, лицом к стене.

– Мне так удобнее. Ничего... не мешает, – на последних словах его ладонь мимолетно коснулась моей груди, обозначая причину неудобства. – Грейся.

Тело мужчины ощущалось источником жаркого тепла. Его обнаженная грудь вплотную прижималась к моей голой спине. Мои бедра упирались в его живот.

Хвост инстинктивно дернулся, ведомый моей паникой. Такое близкое присутствие метха мгновенно вызвало в памяти воспоминания о нашем... совокуплении. Брр...

Хвост снова дрогнул, заметавшись от ноги к ноге. Кирен недовольно зашипел. И мою неумемную третью «конечность» слегка прижала твердая нога метха.

– Прекрати дрожать. Не стоит думать о плохом, смерть всегда рядом с каждым из нас – этого достаточно. Я могу

умереть уже завтра, предстоит опасная атака на поселение тарнов на перевалочном спутнике. И если не вернусь я, ты умрешь тоже. Наслаждайся мгновением жизни. Каждое может стать последним. Или мечтай о скорой смерти.

Потрясенная небывалой разговорчивостью метха, недоуменно замерла, вдумываясь в его слова. Тепло чужого тела неожиданно сказалось успокаивающе. И хотя рядом с Киреном мне было страшно – от него не представляла чего ожидать, паника явно отступала, позволив уснуть.

Пробудилась я уже в одиночестве. Удивительно, но как свою личную территорию покинул мой хозяин, я не слышала. Первый взгляд, осознав, что нахожусь тут одна, бросила на нишу в стене, где обычно находились его мечи. Их не было! В памяти сохранилось какое-то упоминание о нападении на тарнов. Метхи, как и всегда, не упустят случая поживиться легкой добычей.

«Я смогу умереть уже завтра...» – сказал Кирен ночью. Я отчетливо запомнила эту его мысль. Надеялась? Наверное, да, трудно было сразу разобраться в своих противоречивых чувствах. И пусть это, по его словам, принесло бы гибель мне. Но лучшая быстрая смерть, чем бесконечный ужас рядом с ним. В данный момент я не представляла себе других мыслей.

Сегодня я смогла встать, слабость постепенно отступала. Нашла еду – возможно, метх намеренно оставил ее, а может и случайно забыл убрать в спешке. Я была голодна, упадок

сил не прошел полностью, поэтому с жадностью поела. Затем поплелась в купальню, надеясь позже найти для себя хоть какой-то их женский балахон.

Голова все так же мучительно болела, ощущение сжимавшего ее тугого обруча не покидало. И способность моей расы – волновое излучение – никак не стабилизировалась. Хотя по возрасту все должно уже было сформироваться. Мне так казалось, но уверенности в этих знаниях не было...

Как итог – состояние было совершенно разбалансированным. Внимание на чем-то концентрировала с трудом, будущее виделось удручающим, а что делать с этим мне – было не ясно.

«Как же не хватает воздействия энергии Цезариона...» – вздыхала я, обливая себя водой. Смутно, как размытый, но истово хранимый образ из детского сна, я помнила это едва ли осязаемое ощущение живительного влияния. Словно тепло, даримое солнцами родной планеты, тепло любви, тепло дома... Все это стало для меня лишь отголоском практически забытой фантазии, чудом зацепившейся в памяти.

Вновь вернувшись к месту, где отныне должна была спать, присела на корточки, стараясь собраться с мыслями. Об изменении взаимоотношений с метхом думать не могла – слишком сложно и пугающе для меня это. И противопоставить мне Кирену нечего – я в его абсолютной власти. Остается смириться, терпеть и надеяться...

Хвост нервно подрагивал, легонько постукивая по полу,

вода, испаряясь с поверхности тела, холодила кожу. Привычного балахона нигде не было видно! Воспользоваться для этой цели раздаточным сервисом метхского звездолета – тоже не выходило. Пришлось укрыться тканью, что служила мне постелью.

Глава 9

Дейнари

Я ждала. Спустя столько тяжелых лет продолжала верить в чудо. Ждала помощи от брата, сохраняя лишь эту единственную надежду на спасение. Заставляла себя верить, что он обязательно меня найдет. Вера в спасение стала единственным светлым моментом моего существования.

Ждала я сегодня и Кирена, одновременно отчаянно страшась момента его появления. Раньше я всегда особенно тщательно укрывалась, стараясь ни единым шорохом не выдать своего присутствия, когда метх возвращался из их грабительских набегов. Отчаянно жалась к стенке в темноте своей «норы», боясь привлечь внимание взвинченного борьбой и азартом грабежа меднокожего.

А вот Гринод – наоборот, всегда стремился в такие моменты быть рядом. Разжечь и усилить его эмоции ссорой, взвинтить новостями, усилив накал эмоций.

«Великая праматерь!» – Мысленно задохнулась я от ужасного предчувствия.

С момента ранения моего хозяина вход на его личную территорию Гриноду был воспрещен. И я больше не имею возможности спастись в своем укрытии. И если усилия против-

ного метха обычно были напрасными – мой хозяин предпочитал гасить любой всплеск эмоций тренировкой с мечами, то сейчас...

Сама не понимала почему, но при одной мысли о появлении разгоряченного боем, возбужденного полученной добычей и запалом погони Кирена, становилось... тревожно. Странно, но вариант смерти метха или его ранения совершенно не занимал мои мысли. Я словно знала, что он вернется! И вернется... бешеным.

Прерывая мои испуганные мысли, предупреждающе зазвенела сигнальная система. Вздрогнув, невольно принялась озираться, не понимая, что происходит. Взгляд остановился на небольшой панельке возле входной двери с непонятными мне метхскими обозначениями. Сейчас они мигали, вспыхивая синим. И громкий звук не умолкал...

«Попытка проникнуть внутрь» – уверенно предположила я. – «Гринод!»

Кто еще в отсутствие хозяина каюты мог стремиться проникнуть сюда?.. Только он! И это в момент, когда Кирен гарантированно отсутствует, возглавляя набег?..

Понимая, что если метх сюда ворвется, то неминуемо увидит меня, сорвалась с места. Рефлекторно кинулась к укрытию, в котором столько раз искала спасения. Но резко остановилась, вспомнив, что Кирен практически разрушил «нору». Более того, запретил мне прятаться там. Что если следом появится и он?..

Обреченно сжавшись, вновь села в угол помещения. Ждала... Предупреждающий вой звучал долго. Час, два, больше?.. Когда, наконец, наступила тишина и синие вспышки на дверном табло погасли, в голове звенело, было нестерпимо больно. Уши словно заложило ватой, перед глазами все плыло, и дышать стало сложно. Ощущала я себя очень плохо. С трудом, стараясь двигать головой очень медленно, смогла разжать онемевшие от долгой неподвижности члены и вытянулась на полу. Глаза не открывались, вновь накатило ощущение подступающей смерти. И я отчаянно желала испустить последний вздох, чтобы перестать мучиться.

Отлежаться и прийти в себя не получилось, прошло совсем немного времени, и с неизменным мелодичным перезвоном дверь открылась. В этот раз процесс прошел в нормальном режиме – вернулся Кирен. Сверхъестественным усилием, преодолевая сводящую с ума головную боль, я смогла приоткрыть глаза и встретила его взгляд.

Безумный! Дикий! Жесткий... и голодный.

Сердце дрогнуло: я обречена. Тело и так ощущалось чужим, сейчас же оно словно помертвело от предчувствия неизбежного. Метх движением одной руки отшвырнул в сторону защитный шлем. Следующим стремительным маневром оказался возле ниши, куда поместил два своих меча, и принялся сдирать с себя защитный скафандр их расы. И все это, не отводя от меня жадного взгляда. Так быстро, что мои глаза, и так слезящиеся от боли, пронзило острой резью. Ве-

ки рефлекторно опустились, перекрывая обзор, и избавляя от источника зрительного раздражения.

Когда пара мужских рук подхватила и вскинула вверх, по телу прокатилась волна жара. Ледяного, дарящего спасительную бесчувственность. От резкого перемещения стало так плохо, что части тела словно онемели. Не способная даже приподнять голову, я безвольно привалилась к меднокожей влажной коже метха. Кирен пах боем: кровью, смертью, сожжённой плотью и... безумием.

Следующая встряска едва не стоила мне жизни. Вновь руки хозяина переместили меня, на миг приподняв вертикально и тут же притиснув к холодной стене. И в ту же секунду, не дав мне провалиться в полную бессознательность, по плечам ударили острые струи прохладной воды. Именно это резкое ощущение холода от соприкосновения моей кожи с поверхностью прозрачной стены купальни и льющейся сверху воды, немного притупило боль, разрывавшую мою голову. И пусть собственное тело я чувствовала плохо, но смогла приоткрыть глаза. Чтобы увидеть плечо метха, по которому стремительно бежали шустрые ручейки воды. Смывая пот, боль и ярость... И подстегивая и так очевидно непомерное нетерпение мужчины.

Вжатая его телом в твердую поверхность за спиной, я чувствовала, как напряжен каждый его мускул, как подрагивает от титанических усилий контролировать себя каждая мышца. Метха сотрясало от бури пережитых эмоций, они искали

выхода. Кирен был абсолютно поглощен ими, все еще проживал мгновения только что завершившегося сражения. Он явно не осознавал окружавшей его действительности, действовал инстинктивно, выплескивая бушующее в душе, избавляясь от избытка ярости, гнева, кровожадной безжалостности. Все еще стремился наказывать, уничтожать, подавлять.

Верхняя пара рук меднокожего стискивала мои плечи, не давая шелохнуться. Нижняя – сжимала мои бедра, не позволяя мне хоть как-то воспрепятствовать его убийственному напору. Мое бедное онемевшее тело безропотно принимало каждый его рывок, каждое движение. Осознав, что о жалости ко мне не может быть и речи, я обессиленно уронила голову на то самое плечо, что вздрагивало синхронно с каждым толчком мужских бедер. Сил держать голову самостоятельно не было.

Затылком, привалившись к шее Кирена, я на уровне вибрации ощущала каждый стон, рык или вскрик, зарождавшиеся в груди метха, прежде чем они, приглушенные водой, срывались с его губ. Тело метха было твердым и напористым, он в исступлении безумия боя продолжал сражаться и со мной, сжимая руками грудь и плечи, втискиваясь в мое тело снова и снова, угрожающе и восторженно рыча. Стремясь покорить, смять, овладеть и подчинить. Поработить и... победить!

Взгляд помутнел от ручейков стекавшей по стене напро-

тив воды. Или от моих слез?.. Чувствовать что-то в этом болезненном смешении гнева, боли, страсти, отчаянного желания и потребности ощущать рядом чье-то живое тепло, разобраться в этой мешанине даже не пыталась. Что тут его, что мое?!

«Не важно. Главное – я жива. И чувствую. Пусть ненависть, боль, отчаяние, но чувствую... А еще жар тела Кирена, что невольно отогревает мои онемевшие члены, его отчаянную страстность, что вопреки всему отзывается где-то в самой глубине живота ответным всплеском жара. Жара, не позволяющего моему телу забыть про жизнь...»

Безвольно обмякшая щекой на его плече, моя голова не способна была сдвинуться. И чем яростнее и стремительнее двигалось тело метха, тем обреченнее и расслабленнее становилось мое. Взгляд не отрывался от мутного образа на стекле, размытого ручейками воды и испариной от жаркого желания, овладевшего Киреном. Огромное и мощное темное тело мужчины, сжимающего в объятиях хрупкое и маленькое в сравнении с ним светлокожее тело женщины. Его откинутую назад голову, подставленное струям «дождя» лицо, и напряженные бедра, обвитые стройными женскими ногами. Ее хвост, как за последнюю опору уцепившийся за его талию. Ее голова, поникшая на его плечо, ее лицо и потерянный взгляд...

«Дымка» влаги туманным налетом скрывала ярость, неумолимость и жесткость, оставляя мне лишь недостижае-

мый образ гармоничной идиллии. Образ и близко не отражающий истинного характера взаимоотношений двоих – этого мужчины и этой женщины.

Боль, стучащая в висках, была безумной – она не желала отступать и утихать, оставаясь всепоглощающей и сводящей с ума. Стоило метху со вздохом облегчения и пришедшего умиротворения отступить, как мое тело обессиленно соскользнуло на пол. Онемение и безжизненность вновь брали свое – меня затягивало в холодный мрак.

– Дейнари?! – Кирен, внезапно осознавший мое странное состояние, склонился ниже. – Что с тобой происходит?

– Плохо, – только и смогла выдавить из себя, с облегчением приныкая щекой к влажному полу.

Метх стоял рядом, опираясь рукой о стену и напряженно вглядываясь в меня. Его взгляд не отпускал, не позволяя смежить веки. Вдруг он вздрогнул и странно оглянулся, затем, словно принюхался, и устремил взгляд в направлении жилой части своего личного помещения...

– Ты включила систему угнетения живого?! – Потрясенно воскликнул он. – Но как ты смогла? И как посмела?!!

Схлынувшая было ярость мужчины вернулась вновь. Меня снова вскинули, прижав к стене, и встряхнули.

– Как посмела?! – Рык хозяина был грозен.

– Н-нет, – шепнула я, не понимая. И умирая от боли.

Кирен отскочил от меня, шарахнувшись куда-то назад, позволяя вновь обмякнуть на полу. И уже, как мне показывалось,

лось, спустя миг снова был рядом. Одной парой рук обхватив за плечи и переместив к себе на колени, другой умывая меня. Вода вернулась, она скользила по лицу каплями прохлады, не позволяя отключиться.

– Станет легче! – Слово приказ четко твердил метх. – Сейчас!

И он оказался прав, пусть не сразу, но спустя час-два я почувствовала, что состояние подавляющей вялости исчезло, отступив. Но стало ли мне лучше?

Пусть я была скорее жива, чем нет... Но неизменная, разрывающая голову изнутри, боль осталась. А еще сопутствующие ей слабость и неспособность чувствовать себя частью окружающего мира. Я все глубже погружалась в себя, из последних сил цепляясь за детские воспоминания о мираже по имени «счастье», о семье и брате, о... здоровом рассудке.

– Дейнари, ты ела? – Новый вопрос метха, на который нет ни сил, ни желания реагировать.

Я чувствую, как он поднимает меня с пола и куда-то несет. Потом ощущаю спиной жесткую, укрытую грубой тканью поверхность – видимо, моя подстилка на полу его «спальни». Губ касается что-то... твердая пища? Но даже аромат еды не способен выдернуть меня из забытья безразличия – мне надоела эта, сжимающая голову тугим обручем, боль, этот необъяснимый упадок сил. Мне хочется заснуть и не просыпаться.

Кончик холодной стали вклинивается между моими губа-

ми, обжигая страхом: ранит?.. Впрочем, мысль мимолетна – меня не пугают и раны. Но метхский клинок каким-то чудом вклинивается между моими зубами, разжимая их. И я чувствую капли чего-то вкусного, свежего и... питательного. Еда... Послушно глотаю, благо голова приподнята одной из мужских рук.

Это проще, чем противиться.

– Дейнари, не понимаю, что с тобой? – Вслух спорит с собой метх. – Самые замученные пленницы реагируют более явственно – я не раз видел подобное.

Я за давлением боли едва слышу и понимаю слова метха, глаз открыть не могу. В голове сумбур из противоречивых мыслей и чувств. И я уже сама не понимаю, что из них реальность, что бред затухающего сознания. Жизненная сила моей расы не формируется! Я чувствую как она пульсирует внутри, стремясь всполохами огня вырваться из меня, но не может, вынужденная разъесть «преграду» – сковавшую ее оболочку, мое тело.

Нас что-то прерывает. Я слышу словно отдаленный, донесшийся до меня сквозь плотную завесу звук – сигнал от двери на территорию Кирена. Метх на миг замирает и переключивает меня на пол. Звук схлопнувшихся створок, отгораживающих мой угол от любого взгляда и... голоса.

– ... ультиматум! – доходит до моего сознания яростно выкрикнутое слово. – Ты обязан считаться с моим решением!

Снова ненавистный голос Гринода! Вопреки всему, я отчаянно пытаюсь собраться с силами, готовая ко всему. Этот метх... я боюсь его на каком-то безотчетном уровне, ощущая исходящую от него угрозу.

– Прекрати сеять панику, – недовольный ответ Кирена. – Я капитан, и я решаю: куда полетит мой корабль. И эта авантюра мне не нравится, поэтому моя команда не участвует. С арианцами я связываться не намерен! К тому же возле них постоянно слишком много верпанов. Мы выберем цель попроще!

– Проще?! – Взвывается визгливым гневом второй метх. – Не намерен связываться?! Ты подумал, что станет с твоей репутацией настоящего воина? Непобедимого и удачливого Кирена? Ты упустишь такую поживу? Это станет позором! Крахом планов!

– Я сказал тебе, и повторяю в последний раз, – тон моего хозяина звенит от холодного гнева, – мы возвращаемся домой. Отдохнем, пополним запасы, наберем команду и отправимся к тартам. Я давно присмотрел у них одну базу... Атакуем ее.

– Тарты?! – Неверящим тоном вторит Гринод. – Это смешотворно. Какая добыча ожидает нас там: старое оборудование? Жалкие ресурсы? Даже пленить ради выкупа некого! А если выполним заказ на партию арианок – получим гарантированно высокую прибыль! И лишь укрепим твою славу.

– Нет, – Кирен категоричен. – Я к арианцам не сунусь.

И глупо примыкать к такой армаде собирающихся сил – их скоро обнаружат и разобьют на подлете. Эта авантюра принесет лишь убытки, а о базе тартов у меня есть сведения...

– Ты смеешь не доверять моей информированности? – Шипит Гринод. – Вспомни о моей семье! Твою команду готовы принять в этот рейд лишь потому, что я просил! И ты отвечаешь отказом?!

– Да!

– Да как ты смеешь?! – Новый вопль метха, он, кажется, не слышит ничего кроме этого «да!». – Кем бы ты был без моего покровительства? Чего бы добился? И отказаться сейчас от приглашения?! Или... – внезапно Гринод замолк, словно пронзенный внезапной мыслью. – Ты стал очень лоялен к этим самкам! Именно арианским! Не опасаясь ли ты ее побега, приближаясь к территории Цезариона?!

– Ее? – Сухо переспрашивает Кирен.

– Думаешь, я не знаю о том, что ты припрятал у себя эту... эту мерзость... Девчонку! Арианку!

– Ты поэтому активировал систему угнетения всего живого во время моего отсутствия? – Вопрос выстреливает мгновенно.

Прежде чем прозвучал ответ, невидимые мне метхи какое-то время молчат.

– Что за глупость, – немного дрожащий голос Гринода. – Чтобы я озаботился какой-то самкой? Смешно! Я и раньше часто активировал систему – слежу за тем, чтобы твоя жилая

территория очищалась в твое отсутствие.

– Я отныне запрещаю тебе это! – Кирен.

– Запрещаешь мне следить за имуществом моего собрата? – Взвыл метх. – Объяснись! Это моя обязанность – любовью подтвердит. Или ты признаешь, что... заинтересован в ней? Может быть... ты используешь ее?!

– Гринод, – раздражение в тоне Кирена ощутимо, но другого метха уже не остановить.

– Признайся! Будь честен как истинный воин! Ты... используешь арианку??! – Судя по тону, подобное кажется ему чем-то... нереальным. Омерзительным!

Разговор обрывается, я слышу вздох Кирена, какую-то возню, а потом и вовсе удар в отделяющую меня от метхов створку двери. Видимо, кто-то нечаянно ударил ее рукой или каким-то отброшенным предметом. Вздогнув от резкого звука, инстинктивно приоткрываю глаза. Одна из створок слегка сдвинулась, образовав крошечную щелочку. Но я вижу сквозь нее узкое пространство в помещении «снаружи». И вижу двух мужчин...

Кирен в уже привычном мне виде – обнажен по пояс, в коротких метхских облегающих штанах. Он как-то лениво, под очевидным напором Гринода откинулся назад, привалившись к стене каюты. На фоне мощной фигуры моего хозяина, разодетый в цветастые одежды метх кажется грузным.

Запоздало осознав, что глазами очерчиваю линию напряженного горла Кирена, встречаю его ответный взгляд!

Словно почувствовав мой взгляд, метх смотрит точно в направлении крошечной щелки! И я знаю, что сквозь нее он замечает мой взгляд – чувствую.

«Скука», – успеваю осознать я выражение глаз мужчины, прежде чем он, стремительно передернув плечами, подается в направлении меня.

Испуганно вздрогнув, осознав, что выдала себя и наверняка навлекла недовольство метха, замираю испуганным зверьком. Сил хватает только на сиплый хрип. Звук полувздоха-полустаона крошечным облачком вылетает изо рта. И звучит на удивление громко в тишине покоев Кирена.

Осознание к Гриноду приходит мгновенно! Успев заметить направление взгляда моего хозяина, уловив мой хрип... пугающий гость, с поразительным для него проворством, вскакивает на ноги. И... одним движением отталкивает в сторону перегородку-дверь, что до этого мгновения скрывала меня.

– Она! – В приступе лютой ненависти шипит он. – Я знал!

Всего секунда, и одна его рука стискивает мое горло, три другие сжимают тело с очевидным намерением – разорвать на куски. Не успев даже осознать боль, с внутренним ликованием осознав, что смерть неминуема, чувствую кожей лица стремительное движение воздуха.

Одновременно на грудь падает что-то теплое и мокрое, а давящее ощущение на шее исчезает.

Истошный визг Гринода буквально оглушает. Помутнев-

шим от шока взглядом я вижу окровавленный обрубок одной из его рук... Устремив взор дальше, осознаю, что рядом с невозмутимым и грозным видом, с одним из своих клинков в руке замер Кирен.

– Смеешь портить мое имущество? – Холодно и оттого особенно ужасающе цедит он. – Снова... Я не предупреждаю дважды, ты знаешь!

На мгновение я и Гринод застываем с чувством одинакового потрясения. Даже с каждым днем усиливающаяся боль, тисками сжимающая мои виски, на время притупляется. От шока я не думаю об отрубленной кисти метха, что лежит на моей груди, о каплях его крови, что забрызгали мое лицо и тело.

Слишком... слишком невероятно случившееся!

Это же неверие читается в выражении лица Гринода.

– Ты... Ты посмел... Уродовать меня ради нее?! Ты заплатишь за это! Заплатишь! – Кажется, что от ярости кровью пузырится его слюна. Метнувшись к выходу, прижимая к груди обрубок одной руки, он с ненавистью выплевывает у двери. – Изгой!

Мой взгляд в безмолвном страхе все еще устремлен на захлопнувшуюся за метхом дверь. Кровавое зрелище оживляет подзабытые уже воспоминания. Смерть родителей, порождая новый виток душевной боли...

– Дейнари, – вопреки всему, в голосе Кирена нет испуга перед несомненной угрозой. Там... голод. Ненасытный и

плотский.

Осознав это, перевожу взгляд на возвышающегося надо мной хозяина. И вижу его расширившиеся зрачки, запоздало понимая, что его всегда заводит это – бой, кровь, оружие... Отброшенная кончиком клинка часть тела Гринода служит сигналом.

«Началось!»

– Это надо смыть, – вдумчиво, словно не случилось ничего жуткого, рассуждает метх.

Следом за отрубленной кистью с меня слетает крошечное сбитое в комок покрывало, оставляя обнаженной полностью. Обессиленно прикрыв глаза, не сопротивляюсь рывку вверх. Это Кирен вскидывает меня на руки. И несет в купальню...

Глава 10

Дейнари

Ариан все жители Цезариона начинают проходить лет в пятнадцать. Это необходимо арианцам для полноценного существования, для гармонии развития, для сосуществования с окружающим миром. Единение с изначальной энергией нашей планеты позволяет нашим собственным силам сформироваться и развиваться правильно. Ведь излучение, которое способны продуцировать наши тела, может быть опасно, если его вовремя не подпитать и сбалансировать изначальной энергией нашей Праматери – величайшей изначальной энергии, которую чтит наша раса. Можно отсрочить ариан... лет до восемнадцати. Но дальше – опасно. Вовремя не сбалансированное излучение наших тел начнет процесс саморазрушения. В первую очередь это опасно для сознания каждого арианца.

Я мало думала об этом, в силу случившихся в моей жизни обстоятельств, ариан воспринимался чем-то далеким и недостижимым. О доме я старалась не вспоминать, это сразу же наводило на мысли о близких, уничтоженных верпанами. Единственный, о ком я не забыла – это Дарг. Именно на призыве брата сосредоточилось все в моей душе, это

единственное, что стало моим прошлым, настоящим и будущим... Ориентиром! Единственное, о чем я способна думать, помнить и осознавать. В остальном же... окровавленная рука Гринода странным образом подействовала на меня. Словно пережитый шок всколыхнул неведомый пласт силы, давно зревшей в душе. Силы, с каждым днем все более удушливой, сжимающей виски тисками, и заставляющий мир вокруг кружиться мириадами вспышек боли. Силы, что истощала меня, обессиливая с каждым днем!

И тут... случился взрыв. Лопнул обруч, незримо сжимавший голову, ушла боль... На какое-то время полностью пропала чувствительность, я едва ли осознавала прикосновения метха, что навалился сверху. Даже вес его тела казался неощутимым в сравнении с мощью, последнее время давившей на меня боли.

Закрыв глаза, я словно парила от внезапно накрывшего с головой ощущения легкости, свободы и... эйфории.

«Отпустило... исчезло... прошло».

Так хорошо и беззаботно мне было только в детстве... давным-давно. Это ощущение всегда жило во мне – очень глубоко внутри, в самой сердцевине моего сознания. И сейчас, под влиянием странной вспышки силы, вырвалось наружу, погрузив в сладостный туман безмятежности мой разум. Я вернулась в детство... там безопасно и хорошо!

Перестав осознавать происходящее вокруг, впервые за многие и многие дни жуткого плена, я уснула по-настоящему

– словно выключилась. И меня не заботили ни ярость метха, ни угроза с его стороны, ни отсутствие возможности быть в безопасности на этом звездолете. Я нашла эту безопасность глубоко в себе, без остатка провалившись в нее, утратив всякую связь с настоящим...

– Дейнари, Дейнари, – кто-то звал меня рядом, но я не способна была откликнуться.

Проснулась с ощущением... мира в душе.

Поднявшись с тонкой подстилки, отодвинула дверь, отделявшую мою крошечную территорию от пространства каюты Кирена. Метха – как и подсказывали мне слух и обоняние – не было. Тело ощущалось легким и воздушным – непривычно не моим. Собственная нагота не беспокоила – я просто не думала об этом, не ощущая себя реальной. В голове роились самые разные мысли, но все они касались одного намерения – пошалить! Я твердо знала, что шалости и забавы всегда приносят много веселья... Буквально накануне – я отчетливо помнила это – мы шалили с братом и родителями!

Заученными до автоматизма действиями, едва ли осознанно, я перемещалась по каюте, посетив купальню, и покусав. Еда обнаружилась на приметном месте – я не сомневалась, что ее оставили для меня. План шалости к моменту насыщения окончательно сформировался в моем сознании, а чувство сытости придало энергии и уверенности. Я с головой окунулась... в игру.

Прошрое, настоящее, будущее – они слились в моем осво-

бодившемся от боли сознании в нечто единое, в свой особый мирок, где я чувствовала легкость и блаженство.

Метнувшись к двери, отделявшей личную жилую территорию капитана от общественной части звездолета я уверенно пробежалась пальчиками по клавишам магнитного замка. Комбинация не стала секретом – сколько раз, затаившись в своей темной норе, я наблюдала за уходом своего хозяина...

«Я все подпалю!» – Так развлекалась я когда-то, играя с братом между огненными потоками Цезариона. Огонь всегда привлекал, даря безопасность и покой. – «Это всех позабавит».

Дверь бесшумно сдвинулась, открывая мне проход наружу. Откинув за плечи прядки светлых, лишь слегка отросших волос, я шагнула вперед. Обнаженных полукружий груди сразу коснулся прохладный ветерок – это работала система циркуляции воздуха метхского звездолета. Ступать босиком было неудобно. Этот корабль явно создавался не с учетом комфорта его экипажа, поэтому пол изобиловал острыми металлическими зазубринами и шероховатостями. Но я, ведомая своей задумкой, уверенно двигалась к цели – туда, где раздавались отрывистые и гортанные звуки, характерные для языка четырехруких.

– Он недостоин права называться воином! – Шагнув в широкий проем помещения, где собралась, казалось, вся многочисленная команда метхского каботажного звездолета, я узнала высокий голос Гринода.

– Это мой корабль, – сухо и безразлично прозвучал в ответ голос Кирена. – Но я никого не держу. Если кто-то считает для себя недопустимым летать под моим командованием – можете катиться. Прямо сейчас!

– Без команды ты будешь возвращаться без добычи! – Судя по голосу, Гринода трясло от ярости и бессилия – остальные лишь глухо роптали, не решаясь откровенно выступить против капитана. – И лишишься дохода и репутации! Не думай, что пренебрежение мнением воинов на тебе не скажется. Я гарантирую – о твоём позоре узнают все! Если ты не одумаешься...

– Что ж... – безразлично протянул в ответ Кирен.

Но я, ведомая стихийным желанием помочь, как и всегда в случае каких-то проблем, предложила, выступая из проема:

– Надо позвать Дарга, он сможет разобраться в проблеме, – вера в брата незыблема в моей душе!

Но стоило мне заговорить, как словно сработал невидимый сигнал – тишина стала абсолютной. Все, кто находился в большом зале, стремительно обернулись в моем направлении. Изумление в их взглядах, стоило осознать факт моего присутствия, мгновенно сменилось отвращением... брезгливостью... злобой!

Я, удивившись ощущению необъяснимого недовольства, робко застыла на месте под прицелами множества взглядов.

– Вот она! – Взвыл Гринод.

Его рывку вперед помешали оказавшиеся на пути метхи

и... так же метнувшийся наперерез Кирен. Еще миг назад хранившее отпечаток неизменного спокойствия лицо моего хозяина на глазах преображалось. Вплотную ко мне, заставив испуганно вздрогнуть, он подскочил, немногим не пылая бешенством!

– Убогая!

Взревел так, что я вжалась в стену позади. Нельзя так реагировать на шалости! Не сдержавшись, я начала смеяться. Вновь на мгновения обступила тишина – это присутствующие воины застыли, вслушиваясь в звук моего смеха.

– Предатель! – Почти сразу, разрывая тишину, донесся вопль Гринода.

И вторящие ему голоса зарычали:

– Мерзость! Самка! Она отвратительна! Немедленно убейте это ничтожество отсюда.

– Убейте же ее! – В исступлении ненависти продолжал визжать Гринод откуда-то из-за спины моего ужасающего хозяина. – Только кровью мерзкой арианки можно излечить разум нашего собрата. Вернуть ему честь воина! И достойный метха жизненный путь!

Но совсем не всеобщее отвращение и призывы неадекватного от злобы метха испугали меня до оторопи. Затея с шалостью обернулась неожиданным исходом – мне совсем не стало весело.

Наоборот...

Нависнув надо мной, Кирен, словно отрезал своим мощ-

ным телом меня от всего мира. Пусть он не касался меня, но был так близко, что ощущение давления стало реальным – меня словно вжимало его гневом в металл позади.

А глаза...

За всю жизнь я не видела взгляд, настолько жестокий! Насколько холодный и... ненавидящий. Он обещал мне смерть?!

Ужас осознания – я совершила ошибку – и непонимания причин этого гнева, деморализовал совершенно. Так меня никто не пугал прежде. Это незнакомое ощущение всеобщей злобы? За шалости меня не наказывали. Губы непроизвольно задрожали, а из глаз, оставляя на щеках холодные дорожки, потекли слезы...

– Дарг! Дарг! Дарг! – Не понимая, что происходит, я мысленно молила брата вмешаться. Заступить. Как всегда, помочь.

И только когда безмолвное бешенство метха нарушил рык, осознала, что шепчу имя брата вслух.

Все случилось мгновенно. Где-то рядом еще звучали призывы к моей смерти, запахи рвоты отравляли воздух, визг Гринода бил по ушам, а меня неведомой силой швырнуло об стену. Это одна из рук Кирена стиснула мое плечо в безжалостном захвате и вытолкнула в коридор.

Не успела я очнуться от удара, как тело вновь вскинули вверх, вынуждая подняться на ноги. И вновь швырнули... Новая волна боли пронзила правый бок – им я налетела на

очередную переборку.

К моменту, когда метх закинул меня в свою каюту, тело превратилось в один большой ушиб. Я ощущала и кровь, сочившуюся из множества царапин. Страх – животный и безграничный – парализовал разум, я мало что понимала в происходящем. Только отчаянно хотела перестать бояться!

Что не так? Где родители и брат? Почему мне страшно? Я одновременно воспринимала присутствие рядом метха и ожидала вмешательства и заступничества родителей.

– Я убью тебя сам! – Кирен действительно кричал. Интонации его голоса поразили, заставив из последних сил отшатнуться к стене, ища хоть какое-то укрытие.

Свист клинков раздался рядом – я инстинктивно зажмурилась, толком и не понимая, откуда исходит угроза.

– Я больше н-не б-буду так играть, – сквозь рыдания, ладонью размазывая слезы по щекам, забубнила я, пытаюсь снискать прощения. Знала, что так должно поступать, если провинишься. Пусть и не понимала сейчас, в чем моя вина?.. – Прости меня. Что я сделала не так?

Клинки замерли по обе стороны шеи. По обнаженной груди скользнули отсеченные кончики волос. Дыхание замерло в груди – это я почувствовала прикосновение обжигающего холодом металла. Глаза испуганно уставились на лицо метха.

– Что-о?

Он в недоумении смотрел на меня. Сейчас в его взгляде я видела и... изумление.

Но тело, действуя привычно, ища спасения в этом мгновении заминки, рвануло вперед. Руки стиснули шею мужчины, а губы прижались к его щеке.

– П-прости м-меня, – трясась от рыданий, вновь прошептала я. Хвост нервно метался из стороны в сторону.

Так бы я упрасивала всякого окружавшего меня о прощении.

В чем виновата?!

Мужчина замер, словно окаменев. Несколько пугающих секунд стоял неподвижно, прежде чем судорожно выдохнул, и я ощутила прикосновение его рук к моим плечам. Рывок – и вот я уже болтаюсь в воздухе, удерживаемая двумя конечностями метха. В другой паре его рук все так же сверкали клинки.

Глаза Кирена впились в мое лицо необъяснимым взглядом. Каким-то недоуменным, вопрошающим. И... если до этого в них плескался гнев, то сейчас его плавно сменил... Что? Может быть... непонимание? смятение? И в итоге – голод?..

Снова рывок – и я в другом углу. Руки грубо, причиняя намеренную боль, вздернули вверх, прижав к стене. Откуда-то метх выдернул прочный ремень и, накинув его петлей на мои сведенные вместе запястья, затянул. Еще движение, и он отстранился. А я... повисла, едва доставая кончиками ступней пола, и запоздало осознавая случившееся.

Игнорируя мой потрясенный хрип, Кирен плавно скольз-

нул к нише, где хранились его клинки. Отработанным до автоматизма движением вернул их на место и, не оборачиваясь, шагнул в купальню.

– Ты не одурачишь меня, ничтожество! – Сказал он это явно себе.

Чувство обиды и непонимания жгло изнутри. Что за странность? За что наказание? За шалость? Отчаянно извиваясь, пыталась выдернуть руки из кожаной петли, но времени на освобождение не дали. Кирен вернулся...

Метха не надо было видеть, чтобы понять, насколько он зол. Бросив взгляд в направлении обнаженного, в капельках влаги тела меднокожего капитана, я в страхе зажмурилась – такая волна лютого гнева окружала его. Будучи арианкой, я особенно остро ощущала его эмоции. Хвост, выдавая мое состояние, нервно заметался, обвивая ноги в тщетной попытке помочь освободиться.

Услышав свист клинков, осознала: ожидаемо! Всегда в упражнениях с оружием мой хозяин ищет умиротворения. Но страх и несправедливая обида были так сильны.

«Никогда меня не наказывали так сурово! За шалость!»

Всхлипнув, с укором шепнула:

– Дарг бы меня не ругал... Он бы понял!

– Ругал?! – Он словно взвизгивая смерч метнулся ко мне. – Как смеешь ты, жалкое ничтожество, обращаться ко мне? Предполагать, что мне вообще есть дело до твоих поступков и предположений?!

Голос Кирена дрожал от бешенства. Не дожидаясь моего ответа, явно не считая вообще возможным услышать что-то от меня, метх отступил на шаг, два... Предчувствуя, что гнев его обернется бедой, я распахнула глаза. А встретив взгляд капитана, уже не смогла отвести свой. Столько ненависти в нем было!

Свист!

Четыре клинка сверкнули на миг, чтобы тут же в смертоносной пляске коснуться моих плеч, обжигая... Холодом? Болью?..

Вжавшись в стену, замерев на носочках, не дыша, я вслушивалась в «музыку» звенящего металла, гадая, переживу ли этот миг. Клинки сверкали, касаясь моего тела, вынуждая изгибаться и вскрикивать. Уклоняться и подаваться вперед, насколько позволяли скованные над головой руки. Еще минуту назад мне было холодно. Но адская пляска распалила тело, одновременно заставив душу заледенеть в отчаянии. Первоначальной легкости не было и в помине. Ушло и предвкушение, жажда проказничать и играть. Совсем не весело вышло.

Губы задрожали, став предвестником слез, которые заструились по щекам. Понимая, что не выдержу и обессилю гораздо раньше метха, осознала, что должна просить прощения. Пусть и не понимаю в чем моя вина.

Прекратив попытки увернуться от острых лезвий метхского оружия, в отчаянном рывке подалась вперед и... при-

жалась губами к щеке Кирена.

«Раньше мне прощали все, когда я делала так».

Мужчина замер. На бесконечно долгий миг наши тела соединились в таком нежном и одновременно бесхитростном и привычном для меня движении. Поцелуе!

С самого рождения меня целовали бесчисленное множество раз. Потому что любили и оберегали! Это давно стало чем-то естественным, не требующим пояснений. Так и сейчас, я рефлекторно искала спасения в извечной истине: не обижают любимых.

А меня всегда любили... и ласкали. И целовали с нежностью.

Кирен замер. Поверхность щеки окаменела – губами я ощущала ее холодность и твердость. Обостренные страхом рефлексы особенно чутко воспринимали малейший знак его реакции. Ее не было! Время словно остановилось, замерли даже пылинки в воздухе вслед за впавшим в ступор метхом.

Хвост дрогнул, я вскинула взгляд, чтобы уловить выражение растерянности, мелькнувшее в темных глазах мужчины. С гулким ударом упали клинки. И словно накрыло облаком тепла – энергия запульсировала в висках, устремившись к кулону на шее.

С шипением метх резко подался назад. Одна из рук прижалась к груди – туда, где ее коснулся мой кулон. Внезапно нахлынувшее тепло давило, стискивая меня в плотное кольцо жара, впиваясь искрами боли в голову.

Миг и боль исчезла! Отступив так же внезапно, как нахлынула.

– Тебя не должно быть в живых! – Поразительно бесцветным голосом куда-то в пустоту произнес Кирен.

Исчезла ярость. Он был спокоен, даже безразличен.

– Иначе однажды... ты меня погубишь.

Не договорив и поразив меня этим еще больше, метх резко дернул за край ремня, освобождая мои руки, и одновременно стиснул плечо, дернув в сторону. Подволок к дверям. Не выпуская из цепкого захвата, активировал их работу. Стоило появиться дверному проему, как Кирен вытолкнул меня наружу за пределы каюты.

– Пусть это сделают другие, – с каким-то ожесточением выкрикнул он. И захлопнул дверь, отгородившись от меня стеной.

Второй раз за такое недолгое время оказалась по другую сторону от этой двери.

Я настолько испугалась неожиданного маневра метха, что еще несколько секунд, осознавая, что нас разделила неодолимая преграда, смотрела на сероватую поверхность металлической панели. Боясь отвести взгляд, отступить!

Если совсем недавно я спешила в этот коридор с желанием, планируя забаву, то теперь... стало отчаянно страшно. Ведь по эту сторону ненавистной двери были и другие... и Гринод. Где же родители? И брат? Мне хотелось бежать к ним на встречу. Но... Испуганно покосившись в направле-

нии, где я недавно застала метхов, рефлекторно отступила в другом направлении. Хвост жалко трепетал возле щиколотки левой ноги, выдавая истинную степень охватившей меня растерянности. Шаг за шагом, я отступала к стене напротив, когда...

Сдвинувшись в сторону, очередная перегородка открыла мне путь в широкий коридор. В метхских звездолетах всегда были широкие коридоры – я давно заметила этот факт. Не задумываясь, я нырнула в проход, мечтая максимально удалиться от места недавнего скопления команды. Сама не понимала толком почему, но чувствовала, что от них исходит угроза.

Очень хотелось расплакаться, но напряжение, сковавшее тело, гнало вперед. Поворот и – снова глухая стена.

«Тупик!» – обреченная мысль, когда... и эта стена сдвинулась, открывая мне путь.

Дважды за время движения мне слышались отголоски чьей-то речи. Тогда я в панике устремлялась в противоположном направлении, страшась гнева, что почувствовала в четырехруких при недавней встрече. И всякий раз, стоило мне уткнуться в стену, где-то рядом открывался новый путь в лабиринтах переходов звездолета. Мне уже казалось, что я буду бежать так вечно, когда...

Очередная отъехавшая панель привела меня в помещение с... женщинами! Крошечное, лишенное любых экранов помещение было непривычно тесным. Две крупные медноко-

жие метхчанки, огромные животы которых любому непосвященному сказали бы о скорых родах, и пожилая миротка, что единственная вскочила с подстилки на полу при моем появлении. Изумленная невероятным (я уже и не помнила, когда последний раз видела представительниц своего пола!) зрелищем, замерла на месте.

Дверь позади – закрылась!

Металлический скрежет, что сопровождал этот процесс, заставил опомниться. И одновременно накрыло странным облегчением – от женщин я не ожидала плохого. Наконец-то я нашла в этом нутре, ставшего мне тюрьмой, звездолета тех, кто мне сможет помочь?..

– Чья ты? – Испуганный шепот миротки. Обе метхчанки молчали, лениво посматривая на меня со своих мест.

В страхе замотала головой, мне не хотелось даже называть имя Кирена. После вспышки ярости я не знала, чего еще от него можно ожидать. Тем более, мне не хотелось возвращаться в место, где был он. Где был хоть кто-то из них... Отчаянно захотелось остаться тут!

Ноги подкосились. Одновременно из глаз хлынул поток так давно сдерживаемых слез, а я рухнула на пол.

– Не прогоняйте, – едва слышно шептали губы, хвост стучал по полу. – Помогите!

Миротка, бросив боязливый взгляд на своих соседок, двинулась ко мне. Всего пара шагов в крошечной каюте, и она присела рядом.

– Ты готовая? Тебя отправили вынашивать ребенка?
Чья ты?

И снова я замотала головой, не в силах признаться. Взгляд женщины был усталым и тусклым, каким-то пустым. Ее явно пугал факт моего появления. Но все же она нашла в себе силы погладить рукой по волосам, прошептав:

– Бедная девочка...

И вдруг отшатнулась. Я тоже вздрогнула, почувствовав резкость движения. И подняла на миротку вопросительный взгляд.

– У тебя... белые волосы? – Она с каким-то ужасом уставилась на кулон на моей шее.

Я так свыклась с ним, что практически не ощущала. А привычка касаться его рукой, вспоминая брата, стала чем-то... ритуальным.

– Не знаю, – устало обмякнув, я привалилась к стене, что служила дверью. О цвете волос я давно не думала, и не помнила, какой он у меня. Своего отражения не видела... Слезы все текли, избавляя меня от страшного напряжения, что овладело телом с момента, как Кирен выкинул меня за дверь.

– Как ты сюда попала? – Резкий голос метхчанки застал врасплох. – Почему без одежды?

– Бежала... – привычно повинувшись окрику, созналась я. – Долго. Пока не вошла в вашу дверь.

– Открыла ее как?

В голосе меднокожей не было и намека на симпатию.

Лишь презрение, причины которого я не понимала. Но узнала его – так же ко мне относился метх.

– Не знаю, она сама открылась, – страшись, что совершила недопустимое и входить сюда нельзя, призналась меднокожей.

Оказаться вновь одной за дверью было жутко. Миротка все так же сидела неподалеку, вслушиваясь в разговор и пристально разглядывая меня.

– Кто-то открыл ей дверь, иначе никак, – категорично качнула головой соплеменнице вторая метхчанка. – Судя по возрасту, первого воина будет ждать. Тебя сюда хозяева отослали?

Не понимая, о чем они говорят, снова затрясла головой.

– Скажи, от кого ты? – Боязливо оглянувшись на соседок, миротка осторожно коснулась меня рукой. – Если сбежала – накажут, лучше вернись сама. Или тебя осеменили? И будешь до появления ребенка ждать тут? Дверь не открыть снаружи. Только кто-то из наших хозяев мог запустить тебя. Кто?

– Должно быть твои, – фыркнула одна из меднокожих, с неизменным презрением зыркнув на миротку. – Они слишком стары и слабы, оттого и довольствуются чужачками. Девчонка – арианка. А на что вы годны? Истинных воинов выносить хозяевам не способны. Твоя замена!

Испугавшись, что миротка увидит во мне соперницу и накажет, сжалась, отодвинувшись к стене. Но на изнуренном

лице женщины не было и намека на злость. Только неизменная усталость и обреченность.

– Признайся, девочка, – тихо повторила она. – Не вреди себе еще больше. Отсюда не выбраться – смирись и терпи. Чья ты?

Но меня обуял такой ужас при мысли, что стоит им узнать правду – тут же прогонят, что дар речи совсем пропал. Только и могла, что отрицательно вертеть головой, да реветь, чувствуя, как застарелая боль обвивает голову тисками.

– Оставь ее! – Вновь окрик метхчанки, адресованный уже не мне. – Сбежала – найдут. Капитану сообщат о побеге – ему доступны все двери и помещения звездолета. Кирен – истинный воин, все на своем корабле держит под контролем, он не допустит непокорности от чужачки. Вернет девочку хозяевам и повелит наказать. Да и не жалко ее – разве такая достойна таскать воинам потомство?.. Хвостатые все ущербны. Посмотри на нее!

Боль нарастала с каждым мгновением, вынудив рухнуть на металлический пол. Тело словно горело изнутри, кулон на груди пульсировал жаром. Я стиснула его ладонью, безвольно обмякнув. Где недавняя легкость и покой? Почему опять меня душит боль, опалая тело?

– Ох, бедная... – склонившись надо мной, миротка жалостливо качнула головой. И уже обращаясь к своим соседкам, пояснила. – Не в болезни дело. Это не слабость. У девочки не сбалансировалась жизненная энергия. Это может

погубить ее.

Но метхчанки явно меньше всего беспокоились моей судьбой.

Глава 11

Дейнари

Впрочем, безразличие этих женщин стало для меня наивысшим блаженством. Впервые за долгое время, проведенное на метхском звездолете, меня никто не мучил. Меня вообще не замечали.

Спустя пару дней, которые я провела, робко сжавшись в углу сугубо женской территории, когда за мной никто так и не явился, а добиться от меня вразумительных пояснений не удалось, метхчанки утратили ко мне всякий интерес. Единственным существом, что уделяла мне немного заботы и делилась пищей, стала миротка.

Первые сутки я и вовсе провела в туманном забытьи, просыпаясь от боли, раздиравшей голову на части, и проваливаясь в обессиленный сон, едва она отступала. Когда же стоны и скулеж становились громкими, меня просто пинали, вынуждая замолкнуть и терпеть.

Но главное – меня не прогнали! Не потребовали вернуться к Кирену или встретиться с проявившими ярость членами команды. Наоборот – подбрасывали объедки, и позволяли посещать крошечный закуток для омовений и туалет. И, кажется, впервые за несколько лет, я постепенно расслаби-

лась, начав полноценно спать. Отчего-то верилось, что больше я никому не нужна...

«Наконец-то обо мне забыли! Прогнали и забыли!»

В таком режиме, слившись в череду монотонных разговоров метхчанок о несомненных достоинствах рожденных ими воинов, и едва слышных утешениях миротки, прошло время. Сколько? Я не представляла...

Животик последней тоже начал округляться, меднокожие женщины и вовсе погрузнели до предела – даже я понимала, что им подходит срок рожать. Но никто не являлся проверить их состояние, я же не смела спросить хоть о чем-то. Лишь еда в тех же контейнерах, что я видела у Кирена, да изредка три чистых мешковатых полотняных одеяния появлялись в помещении во встроенном в стену отсеке распределительной системы звездолета.

Мне, после первого же раза с появлением чистой одежды, отбросили старое «платье», позволив прикрыть обнаженное тело. В остальном же... меня игнорировали, позволив упиваться ощущением, пусть и относительной, безопасности. Сон и покой пошли на пользу – удушливая боль, изнуряющая сознание, слегка улеглась, я все меньше проваливалась в темноту беспомыслия. Но тем глубже погружалась в воспоминания о детстве, порой с трудом разбирая, что есть сон – бурлящие лавой реки Цезариона или отведенный мне пустой угол...

Сны же мои стали очень яркими! Порой я не только «ви-

дела» картинку, я чувствовала ее, слышала. Вздрагивала от ощущения присутствия кого-то... пугающего, посреди ночи скидываясь и начиная озираться во тьме помещения. Мне чудилось, что там – за автоматической толстой дверью стоит Кирен! Он тяжело дышит, в каком-то бешеном исступлении сжимая кулаки, и рыча. Я даже ощущала холод металла, которого касались пальцы мужчины, впадая в шок от ужаса и непонимания: как такое возможно? Что за навязчивые видения?

Каждый раз все обрывалось, едва он, рывком развернувшись, уходил.

Но однажды дверь изолированного помещения, где находились «метхские инкубаторы», открылась. Едва услышав скрежет металла, я замерла, осознавая, что сейчас меня найдут. Заметив фигуры двух четырехруких, и вовсе перестала дышать, понимая, что настал миг расплаты за крошечную передышку в моей кошмарной жизни.

Увидев их, миротка немедленно поднялась со своей подстилки и покорно шагнула к выходу. Лишь на миг она обернулась ко мне, бросив грустный – прощальный – взгляд. Сердце мое дрогнуло, испытав очередную боль утраты.

Метхи не смотрели на нас – на их высокомерных лицах отчетливо проступало брезгливое презрение. Ни один из них не сделал и шага в «женскую» зону звездолета. Вероятно, они не заметили бы и меня. Но...

– У нас чужачка! Не признается, кто ее хозяин.

Голос одной из метхчанок прозвучал преданно и заискивающе. Естественно, воины отреагировали на ее заявление, устремив на меня взоры.

– Хвостатая? – Недоуменно переспросил один из них, обращаясь, разумеется, к своему спутнику.

Миротка напряженно замерла рядом с ними, едва прозвучало заявление ее недавней соседки. Она покорно смотрела в пол, не смея поднять взгляда в моем направлении.

Да я и сама сжалась, почувствовав себя центром внимания.

– Должно быть та убогая, что себе завел капитан, ее весь последний месяц полета искал Гринод. Другой арианки на борту не было. Инстинкт самосохранения у нее есть, сообщила, куда забраться.

– Да... – согласился с ним более пожилой, если судить по паутине морщин на лице, метх. – Сюда Гринод не подумал заглянуть – кроме нас и Талааса, что владеют этими самками, никому не войти. Да и брезглив он невероятно, побоялся бы испачкаться о них. Все думал, найдет ее в нижней зоне, где орудия и сектор добычи.

– Надо сообщить ему, что нашлась его проблема!

– Думаю, поздно, он уже покинул звездолет. Едва сели на базу, как поспешил с отчетом к повелителю.

– Жаловаться? Что ж не летать нам больше с капитаном.

– Почему? Они же помирились? Все было ровно между ними в последнее время.

– Тогда надо сообщить капитану. Раз Гринод его образумил, он поступит с ней как должно. Надо задобрить его, чтобы взял в следующий рейд. Поговаривают, что родня Гринода затевает нечто грандиозное, это шанс обогатиться!

Метхи рассуждали между собой о том, как с выгодой для себя поступить с фактом моего обнаружения. Мне же, съеденная несколько часов назад пища подступила к горлу – представить, что сделают со мной дальше – не могла.

Вновь заблокировав дверь, метхи удалились, продолжая беседу. Я успела заметить, перед тем как дверь захлопнулась окончательно, миротку, послушно семенящую за ними, словно она шла на привязи.

– Вот и тебе применение найдут! – Метхчанки взирали на меня с удовлетворением, явно полагая, что совершили благое дело, обнародовав факт моего присутствия. – Нечего пустой ходить! Жизнь женщины коротка, а нашему народу всегда нужны новые воины.

Отвернувшись, уставилась на стену над подстилкой, что освободилась. Разговаривать с этими двумя не могла – слишком по-разному мы воспринимали значимость размножения. Я впадала в ступор при одной мысли о том, что могу оказаться на их месте. А ведь это неизбежно?!!

Только сейчас под влиянием страха я словно очнулась, осознав что действовала как во сне.

«Мы приземлились» – вдруг осознала я услышанное ранее. – «Что если действительно можно сбежать?»»

Но развить идею хоть в какой-то план я не смогла – дверь снова закрипела, открываясь. Вернулся тот пожилой метх. С ним еще двое – оба рослые и мощные воины. Метхчанки горделиво приосанились (насколько это возможно в сидячем положении с такими животами!) при виде их, позволив мне предположить, что явились и их хозяева.

– Вот она! – Обличительный жест пожилого метха довел меня едва ли не до смерти от ужаса. Мне казалось, что грохот сердца сейчас оглушит всех.

Презрительные взоры его спутников безразлично скользили по мне, чтобы так же на секунду задержаться на соплеменницах.

– Уходим, – отрывисто бросили им приказ. После чего обе женщины, с трудом заворочавшись, принялись подниматься. Лица обеих светились искренней радостью!

Я же сидела, не двигаясь, в ожидании приговора. Когда пара сильных метхов, а следом и с трудом поспевающие за ними метхчанки, удалились, вперед шагнул тот, кто до сего момента стоял немного в стороне, вне поля моего обзора.

Кирен!

Только увидев его, осознала, насколько боялась этой встречи.

Но... на лице капитана проступало лишь ледяное спокойствие. Сухо поджатые губы, скрещенные на груди ладони и отрешенный взгляд – не предвещали мне ничего хорошего. Я знала, что меньше надо бояться его ярости, чем такого вот

выдержанного самоконтроля.

– Вы же вспомните о моей помощи, когда будете набирать команду на новый рейд? – Пожилой метх всем своим видом демонстрировал желание оказаться полезным.

– Несомненно.

Ох, я бы поостереглась радоваться на месте этого метха. Кирена, наученная годами наблюдений за ним, чувствовала прекрасно. И сейчас не сомневалась – его ответ двусмыслен!

Но пожилой метх плохо знал своего капитана.

– Я сообщу и Гриноду о том, что арианка нашлась, – стараясь услужить еще больше, закивал метх. – Вы же покараете ее за тот вред, что она причинила вашей репутации?

Я сглотнула. Хвост, до сего момента обессиленно опавший на полу, задрожал мелкой дрожью.

– Несомненно.

Мне почудилась... ирония?... Жесткий взгляд Кирена обещал мне немислимые кары?.. Или что?

Дверь снова закрылась, уже в одиночестве отрезая меня от четырехруких. Выдохнув, я, в полуобморочном от страха состоянии, рухнула на пол. Время остановилось для меня. Тело, словно заведенная пружина, замерло в ожидании.

«Они вернутся? Куда меня отправят?»

Прошло полчаса или день – я не могла бы сказать точно, когда дверь снова открылась.

«Кирен»

Он был один! И он... ухмыльнулся, изучая меня, сжавшу-

юся на полу.

Миг, и он присел рядом. Еще секунда – руки метха обхватили мои плечи. Рывок – и меня вскинули вверх, притиснув к стене. Оперевшись на другую пару рук, Кирен навис надо мной. Мы пристально смотрели друг на друга. В моем взгляде точно был ужас, каждая клеточка моего тела трепетала от него. Глаза метха были... прищурены.

– Закрой глаза, – отрывисто произнес он.

И тут же одна его рука стиснула на затылке мои волосы, раздался треск материи, и половинки мешковатого балахона упали на пол. Хватка его рук разжалась, ноги дрожали, поэтому я по стене стекла ниже. Рухнуть окончательно не позволила ладонь, сжимавшая довольно отросшие волосы. Другой ладонью он, не глядя, поймал кончик моего взметнувшегося хвоста.

Взгляд уперся в пояс широких свободных штанов, в которых капитан упражнялся с мечами. И уже без всякого приказа я зажмурилась, отчаянно страшась представшего зрелища.

– Открой рот, – сухой и безразличный приказ.

Тело давно привыкло к алгоритму подчинения, и губы послушно разомкнулись. Две руки метха опустились на пояс брюк, он шумно выдохнул и медленно вдохнул. Я же внезапно словно увидела себя со стороны – покорную, слепо подчиняющуюся любым приказам и сносящую любое использование, сжавшуюся на полу женщину... вещь.

Дни отдыха, позволившие буре усталости и боли улечься, научили меня наблюдению. Наблюдать за Киреном я страшилась, всегда в его присутствии испытывая дикое напряжение и страх. Всегда старалась укрыться и быть для него незаметной.

Время в обществе женщин впервые дало мне возможность сознательно наблюдать... Меня не замечали, но не пугали. Я все видела, слышала и воспринимала по-своему. Анализировала...

И сейчас снизошло четкое осознание – они тоже вещи. Так же смиренно покорные своим владельцам. Их так же используют на износ. Они не имеют значения, и обречены служить хозяевам, пока не... придут в негодность.

Голова обессиленно упала на грудь, губы решительно сомкнулись.

«Эта дорога может быть длинной. Муки – невыносимыми и неизбежными. Зачем мне смиряться с этим, если конец... предопределен?»

Сейчас я четко осознавала настоящее, не путая его с прошлым. Четко осознавала и себя – практически всю сознательную жизни проведшую в застенках метского звездолета. В одиночестве. Осознавала и факт гибели родителей. Разум не подводил – я настроилась покончить со своим жалким существованием.

Одна из рук метха стремительно обхватила мой подбородок, стиснув его, он дернул мои волосы, вынуждая поднять

голову.

– Рот, – всего одно слово. Презрительно и гневно!

Мои родители не испугались мучительной смерти, они боролись до самого конца. Я позволила себе подумать о том, что давно скрыла где-то глубоко в памяти. Под слоем боли и страданий. Но сейчас мне необходимо было ожесточить себя! Это позволяло не бояться. Очнуться от сна смиренной покорности.

«Я дочь своего народа! Дочь своих родителей!»

– Нет, – с трудом шевельнув челюстью, я прохрипела единственное слово.

И сама испугалась того, как оно прозвучало. Безоговорочно! Как приговор... Как черта, которую я преступила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.